

ВИТАЛИЙ ЛУГОВОЙ

ПО СЛЕДУ ДИВЕРСАНТА 2

"война невидимок"

Виталий Луговой

По следу диверсанта
2. "война невидимок"

«Автор»

2026

Луговой В.

По следу диверсанта 2. "война невидимок" / В. Луговой —
«Автор», 2026

Их боялись все: от рядового солдата до генерала. Даже одного непроверенного слуха о том, что их видели где-то неподалеку, было достаточно, чтобы посеять панику и деморализовать целые подразделения. Действуя в тени, используя тактику партизанской войны — оружие, документы и форму противника, они сеяли хаос во вражеском тылу, пуская под откос эшелоны, нападая на важные стратегические объекты, уничтожая коммуникации и ликвидируя высший командный состав врага. Зачастую не имея серьезной поддержки и действуя автономно в глубоком тылу противника, выполняя задания особой важности, в борьбу с врагом вступило самое первое подразделение советского спецназа — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР.

© Луговой В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть первая: «Войска особого назначения СССР»	6
Глава 1. «Рождение легенды»	7
Глава 2. «Тяжело в учении»	10
Глава 3. «По данным агентурной разведки...»	17
Глава 4. «Их лучшее оружие - хитрость»	20
Глава 5. «Война сильнейших разведок мира»	25
Глава 6. Позывной «Норд».	29
Глава 7. «Любой ценой».	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виталий Луговой

По следу диверсанта 2. "война невидимок"

Глава

Часть первая: «Войска особого назначения СССР»

Сегодня все силовые ведомства России, Украины, Белоруссии, Молдовы и других бывших республик некогда единого сильного государства СССР имеют в своем составе подготовленные части специального назначения. У каждого из этих подразделений своя история и дата основания, с которой и начинался их боевой путь. Но мало кто знает, что у спецназа наших стран есть общий год рождения — это год начала Великой Отечественной войны.

После начала Великой Отечественной войны к структурным подразделениям НКВД СССР, таким как милиция, пожарная охрана, пограничные войска, оперативные и внутренние войска и охрана правительства, прибавились новые управления.

Были сформированы:

— 1-е управление: разведка за границей;

— 2-е управление: контрразведка;

— 3-е управление: секретно-политическое, управление особых отделов, транспортное управление, экономическое управление;

— Особая группа, занимающаяся проведением специальных операций на временно оккупированных территориях. Возглавил Особую группу старший майор госбезопасности Павел Судоплатов, а его заместителем был назначен бывший начальник Иностранного управления ОГПУ-НКВД Наум Эйтингон.

Перед Особой группой ставились такие задачи, как:

1) разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против нацистской Германии и её союзников;

2) создание подпольных организаций и ведение партизанской войны на оккупированных территориях;

3) создание нелегальных разведывательных сетей на территориях, оккупированных странами нацистского блока;

4) дезинформация.

В Особую группу отбирали лучших оперативников, имевших за плечами внушительный боевой опыт. Поскольку кадров на начало формирования Особой группы не хватало, Судоплатов обратился к Лаврентию Берии с просьбой привлечь к работе бывших разведчиков, уволенных со службы или находившихся в местах лишения свободы. Нарком принял предложение Судоплатова, все разведчики немедленно вернулись в действующую армию и приступили к работе. Были созданы диверсионные школы для подготовки кадров, которые находились в подмосковных Балашихе и Кратово. Свою работу Особая группа тесно координировала с военной контрразведкой.

Для создания очагов сопротивления на оккупированной территории в тыл врага были заброшены группы подготовленных диверсантов. Были организованы нелегальные резидентуры в Одессе (Владимир Молодцов, позывной «Бадаев»), Николаеве (Виктор Лягин), Киеве (Иван Кудря, позывной «Максим»). Самую широкую известность получил партизанский отряд «Победители», созданный на базе оперативной группы НКВД под руководством полковника Медведева, в составе которого сражался знаменитый диверсант Николай Иванович Кузнецов, он же Юрий Васильевич Грачев, он же Пауль Вильгельм Зиберт (позывной «Пух»).

Основу таких диверсионных отрядов составляли бойцы ОМСБОН.

Глава 1. «Рождение легенды»

Осень 1941 года. Полным ходом идет операция «Тайфун». Положение складывается катастрофическое. Понеся тяжелейшие потери, советские армии разбиты под Вязьмой и Брянском, а вермахт выходит на рубежи для решающего броска на Москву. Советская столица в осажденном положении, на улицах возводятся баррикады, минируются все подступы и самые знаковые здания, город готовится к уличным боям. Немцы стоят к Москве настолько близко, что в ясный день в свои бинокли немецкие командиры могут рассмотреть пригороды Москвы. Вот она просматривается как на ладони: протяни руку — и сможешь коснуться кладки Кремля. Советы измотаны и деморализованы, еще один мощный удар — и они падут. Но так ли это на самом деле?

Получив разведданные о том, что в этом году Япония не планирует начинать войну против СССР, а собирается полностью сосредоточиться на Тихом океане, Ставка ВГК решает на очень рискованный шаг. Из Сибири и Дальнего Востока к Москве перебрасываются несколько полнокровных дивизий и формируют резерв, готовясь перейти в крупномасштабное контрнаступление и отбросить врага от стен столицы.

Но немецкое командование не подозревает об этом. Противник считает, что русские истощили почти все свои силы и «их оборона находится на грани кризиса». Немцы не знают, что вскоре им предстоит столкнуться не только с резервами Ставки, которые только заканчивали свое формирование. Хитрые, расчетливые, обученные воевать в любых условиях бойцы уже готовились вступить в свою первую схватку с врагом.

Поздним вечером 17 октября в Москву прибывает очередной воинский эшелон, и по затемненным улицам советской столицы маршем проходит неизвестное подразделение, на вид совсем не похожее на обычную регулярную часть РККА. Вооруженные самым лучшим оружием, обвешанные патронташами и сумками с гранатами, высокие и крепко сложенные бойцы, прошедшие специальную подготовку, на тот момент не имевшую аналогов ни в одной армии мира.

Давящую тишину темной московской улицы нарушает команда:

— Запевай!

Из строя этих неизвестных солдат раздается звонкий голос запевалы:

На врага вперед лавиной

Мы по всем фронтам пойдем

И по улицам Берлина

Стяг советский пронесем!

Их было совсем немного — капля в море по сравнению с закаленной в боях армией рейха, катком прошедшей по Европе и не знавшей поражений. Но в голосе этих бесстрашных солдат, шедших по темной московской улице, звучала непоколебимость и уверенность в победе. Они были уверены в том, что Красная Армия будет драться до самого конца и отстоит Москву. Они были уверены в том, что станут каплей, которая сумеет отравить целое море. Они были уверены в том, что слова этого произведения рано или поздно станут пророческими.

После начала Великой Отечественной войны приказом народного комиссара внутренних дел от 27 июля 1941 года в Москве на стадионе «Динамо» началось формирование войск Особой группы НКВД. В столицу начинают прибывать мастера спорта по боксу, биатлону, плаванию, мастера парашютного спорта, альпинисты, легкоатлеты. Также в столицу прибывают и артисты московского цирка — акробаты и канатоходцы. Среди них было много имен, составлявших гордость советского спорта. Они еще не знают, для чего их пригласили и почему раньше им отказали при наборе в действующую армию.

Формирование бригады проходило поэтапно. Ее состав определяла специальная комиссия, в которую входила и знаменитая советская разведчица Зоя Воскресенская. Штаб комиссии находился прямо под трибуной стадиона «Динамо», именно эта комиссия и решала окончательную судьбу кандидатов. Формируются целые полки: десантников, альпинистов, артиллеристов, подрывников.

По своей штатной организации подразделение практически ничем не отличалось от обычного мотострелкового соединения, каких на начало войны в войсках НКВД было множество. Но для первого спецназа СССР была разработана специальная программа особой боевой подготовки.

На базе войск Особой группы приказом НКВД СССР от 5 октября 1941 года № 00481 при Наркомате внутренних дел была сформирована 2-я дивизия особого назначения войск НКВД — первый спецназ Лубянки, легендарный ОМСБОН.

В задачи ОМСБОН вошли:

- сооружение минно-инженерных заграждений;
- минирование и разминирование особо важных военных объектов;
- парашютно-десантные операции;
- проведение диверсионных и разведывательных рейдов в тылу противника.

Кроме общей программы, бригада проводила подготовку специалистов для выполнения на передовой и за линией фронта особых задач. В состав стандартной группы входили: командир, радист, подрывник, помощник подрывника, снайпер и два автоматчика. В зависимости от выполняемых задач боевые группы могли объединяться или дробиться.

Интенсивные тренировки бойцов-диверсантов проходили на старом стрельбище ОСО-АВИАХИМа в Мытищах, а с августа 41-го — в подмосковном Пушкино. Они учились воевать в самых различных условиях: горной, лесистой и заснеженной местности. Они становились специалистами различного профиля.

Служить в специальных войсках изъявили желание многие проживавшие в СССР политэмигранты. В ОМСБОН добровольцами вступали австрийцы, немцы, болгары, венгры, поляки, испанцы, чехи, словаки, сербы и представители других народов, пострадавших от действий гитлеровской Германии. Преисполненные ненависти к нацистам, они желали как можно скорее присоединиться к специальным войскам СССР и вступить в схватку с врагом. Их тренировали выполнять любые поставленные задачи: найти и ликвидировать, добыть информацию, подорвать объект, выкрасть особо важную цель или сойти для немцев за своего.

Первым боевым заданием советского спецназа была оборона Москвы. Они внесли весомый вклад в защиту столицы и фактически остановили немцев в районе подмосковных Химок.

В октябре 1941 года на случай прорыва немецких войск к Москве отряды ОМСБОН начали минировать подступы к городу. Под их руководством каждый дом в столице превращался в неприступную крепость. Также в обстановке строжайшей секретности диверсанты закладывали взрывчатку под основные городские объекты: Белорусский вокзал, собор Василия Блаженного, Большой театр, Кремль и дачу Сталина. Даже сегодня найдены не все заряды, которые были оставлены ОМСБОНом: никаких карт и схем минирования составлено не было в связи со спешкой и секретностью.

Все самые знаковые и известные здания столицы, где после захвата Москвы могла бы расположиться нацистская оккупационная администрация, были заминированы тоннами взрывчатки. Если бы город не удалось отстоять, то немцев ожидал бы неприятный сюрприз. Также на случай потери столицы были сформированы диверсионные группы, которые должны были остаться в Москве и развязать охоту на высшее немецкое командование. Ведь наверняка многие из видных нацистов пожелали бы посетить взятую столицу советского государства; возможно, даже лично фюрер приехал бы взглянуть на Кремль и тем самым сразу оказался бы мишенью для оставшихся в городе спецназовцев.

Во время самых тяжелых боев за Москву зимой 1941 года мобильные подразделения ОМСБОН провели множество дерзких рейдов и нападений на немецкие тылы, а некоторые группы использовались для ведения разведки и диверсий в интересах штабов общевойсковых армий. Когда враг находился уже у самых стен столицы, командование Красной Армии бросило в бой все имеющиеся боеспособные формирования, в том числе и подразделения ОМСБОН, и вместо выполнения точечных диверсионных атак бригаду использовали на передовой как простых пехотинцев. Битва за столицу Советского Союза была первым и последним сражением, в котором спецназ действовал на фронте в прямом соприкосновении с противником.

Но главной задачей первого подразделения спецназа СССР осенью 1941 года было создание очагов сопротивления на оккупированных территориях. Самым первым специальным отрядом, заброшенным в тыл противника, был отряд под кодовым наименованием «Митя» под командованием Дмитрия Медведева. Вслед за «Митей» за линию фронта были заброшены и новые группы диверсантов и специалистов, под руководством которых разрозненные партизанские отряды объединились в массовое организованное движение под командованием Центра. Руководство партизанскими отрядами было не единственной задачей ОМСБОН: отдельные группы часто забрасывались в глубокий тыл противника для организации точечных диверсионных ударов.

Уже к осени 1942 года в тыл врага было заброшено 58 таких групп. Как правило, после выполнения поставленных задач бойцы оставались на оккупированной территории и начинали формирование и обучение новых партизанских отрядов и целых соединений. За время войны было сформировано 212 таких отрядов и групп общей численностью 7316 человек.

Бойцы ОМСБОН получали самые сложные и опасные задания и успешно выполняли их. Многие блестяще выполненные задания советского спецназа вошли в учебники российских спецслужб или же стали легендами, но лишь о единицах мы можем узнать сегодня. Всего за годы войны бойцы ОМСБОН пустили под откос 1415 вражеских эшелонов, подорвали более 100 километров рельсовых путей, 335 железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили 145 танков. В результате диверсионных операций были уничтожены 344 промышленных предприятия, разгромлены 122 военных объекта, гарнизоны, комендатуры и штабы противника.

Даже сегодня, спустя 81 год после окончания войны, неизвестны все масштабы работы ОМСБОН. Возможно, нам никогда не суждено узнать всех имен, не суждено узнать того, что именно сделали эти люди для приближения победы над врагом, но одно мы можем знать совершенно точно: бойцы первого подразделения советского спецназа не раз меняли ход истории.

Глава 2. «Тяжело в учении»

После разгрома немецких войск под Сталинградом стратегическая инициатива полностью перешла на сторону СССР. Красная армия начала стремительное контрнаступление на широком фронте, отвоевывая у врага каждый потерянный метр своей земли. Одновременно с заключительной частью операции «Уран» советские войска перешли в наступление на Центральном, Волховском, Западном фронтах, а также в районах Северного Кавказа, Дона и Воронежа. На Ленинградском фронте Красной армии удалось частично прорвать блокаду города, и в осажденный Ленинград начали поступать продукты и медикаменты. На отдельных участках советско-германского фронта войска смогли продвинуться на 600–700 километров. Было освобождено множество населенных пунктов Воронежской, Курской и Ростовской областей, восстановлена связь между центральными и южными районами.

В высоких кабинетах Кремля стало казаться, что набравшее обороты с каждым днем советское контрнаступление от самых волжских вод уже ничто не сможет остановить и войска мощной ударной лавиной сумеют сломить оборону немцев и к весне-лету выйти к границе Эстонской ССР. Последствия такого воодушевления не заставили себя долго ждать и обернулись для советской армии большими потерями. В феврале советские войска в ходе операции «Полярная звезда», целью которой было отбросить и полностью ликвидировать нависавшую над Ленинградом группу армий «Север», потерпели неудачу. Не проведя должной разведки и подготовки, потеряв около 280 тысяч человек в многочисленных атаках на окопавшегося врага, к апрелю Красная армия вынуждена была прекратить операцию.

Тем временем, развив стремительное наступление, уже измотанные в боях советские части 16 февраля ворвались в захваченный Харьков и выбили противника из города. Крупный промышленный центр Украины был освобожден. Но радость освобождения продлилась недолго. Перегруппировав свои силы, 4 марта немецкие войска при поддержке авиации начали контрнаступление на Харьков. Не успев получить должного подкрепления в личном составе и боеприпасах, вымотанные в бесконечных боях части 17-й бригады НКВД и 19-й стрелковой дивизии не смогли сдержать атаку и начали стремительно терять свои позиции. Уже 11 марта 2-й танковый корпус СС прорвался к центру города. После неудачного советского контрудара части, оборонявшие Харьков, получили приказ на прорыв из города. Воодушевление сменилось пониманием, что противник опомнился после поражения на Волге и был готов остановить Красную армию. Вермахт был все еще слишком силен, и взять его нахрапом не получится. После триумфа на Волге поражение под Харьковом выглядело удручающе.

Как бы ни обстояли дела на фронтах, но после краха армии Паулюса под Сталинградом подрывная и диверсионная деятельность немецкой разведки многократно усилилась. Свыше 130 разведывательных, контрразведывательных и диверсионных органов были сосредоточены германским Абвером против СССР. С ноября 1942 и до конца 1943 года немцы создавали мощнейшую сеть разведывательных школ по подготовке диверсантов, агентов и террористов. Противостояли этой армаде сотрудники особых отделов фронтов, а затем — органы контрразведки «СМЕРШ».

Но и советская разведка не стояла на месте. По мере приобретения с каждым месяцем неоценимого опыта ведения войны, партизанской, разведывательной и диверсионной деятельности возрастал и уровень подготовки советских диверсионных кадров. Для того чтобы добиться максимальной эффективности в своей нелегкой работе, советские специалисты проходили тщательное обучение и переподготовку в особых спецшколах.

...

Подмосковье.

25-й километр Горьковского шоссе.

14 февраля 1943 года.

Мы покинули волжский берег спустя сутки после того, как подполковник Давыдов попрощался с нами на привокзальной площади Сталинграда. Город после окончания боев было не узнать. Его просто стерли с лица земли. Все, что осталось от некогда красивого, зеленого и цветущего Сталинграда, — это руины, усеявшие берег Волги, и ряды обгоревших печных труб. Но до своего последнего вздоха я буду вспоминать Сталинград именно таким, каким увидел его в тот самый первый раз летом сорок второго. Хочу отметить негибаемый дух советского народа, который сражался в этой адской мясорубке, ведь, несмотря на то что город был практически уничтожен, настроение у солдат и местного населения было боевым и непоколебимым. Они сумели отстоять свой город. И я был рад, что сражался в этой битве плечом к плечу с этими отважными людьми.

Мы ничего не знали о том, что нас ждет дальше и какое задание приготовил для нас подполковник. Виноградов лишь коротко бросил нам фразу, мол:

— Как завещал Владимир Ильич, будем учиться, учиться и еще раз учиться.

А мы в ответ лишь посмеивались над ним: как же учиться? Идет война, нужно бить врага, а не сидеть за учебниками. Но, учитывая специфику нашей работы, мы, разумеется, понимали, чему нас опять собираются учить.

Перелет до Москвы, потом тряска в кузове полуторки, и вот мы уже стоим у КПП неизвестного нам военного объекта и мнемся у ворот в нерешительности. В этом месте было так тихо. Тут не стрекотали пулеметы, не разрывались авиабомбы, не было слышно душераздирающих криков раненых бойцов, которые лежат в поле с оторванными руками или ногами и просят о помощи. Однажды, в ходе городских боев на одной из улиц Сталинграда в январе, я стал свидетелем того, как одному совсем молоденькому красноармейцу осколком минометного снаряда распорол живот. Он остановился и удивленным взглядом уставился на свои кишки, выпавшие из живота прямо в грязный снег. Паренек спокойно отложил автомат, нагнулся, подобрал кишки, запихал их обратно в живот прямо вместе со снегом и побежал обратно. Только далеко позади, когда шок понемногу отпустил его, мы услышали душераздирающие крики. Не знаю, выжил ли он, но с тех пор я больше его не видел.

А тут, глубоко в тылу под самой Москвой, было так спокойно, словно и не было никакой войны. Лишь редкий гул грузовиков, проезжавших где-то неподалеку, нарушал покой этого места. Совершенно другой мир.

Простояв несколько минут, слушая завораживающую тишину этого подобия мирной жизни, до нас донеслись звуки пистолетной и автоматной стрельбы. Дверь на проходной открылась, и нам навстречу вышел высокий человек в форме без знаков различия и уставился на нас оценивающим взглядом.

— Кто старший? — спросил он, сверля взглядом каждого.

Николай, увидев офицера, тут же скомандовал:

— Становись!

Виноградов шагнул вперед, поправил шапку и отдал воинское приветствие.

— Командир разведгруппы лейтенант Виноградов!

Человек отдал ответное приветствие и кивнул.

— Вольно.

Николай немного расслабился и уставился на незнакомца, который начал прохаживаться вдоль строя разведчиков и осматривать каждого. И от его сурового взгляда у бойцов гимнастерки начали прилипать к спине. Вдруг человек резко схватил Соколова за ремень, оттянул на себя и слегка двинул снайпера в живот. Александр не подал вида, но по его изменившемуся лицу было заметно, что у бойца перехватило дыхание.

— Расслабились? — смотря в глаза побелевшему Соколу, процедил сквозь зубы незнакомец.

— Виноват, не доглядел! — ответил Николай.

— Это будет вам первым уроком, товарищи разведчики, — человек прошелся взглядом по каждому бойцу, — никогда не теряйте бдительность и всегда будьте готовыми ко всему, независимо от того, где вы находитесь: под носом у фрицев или под боком у бабы!

Инструктор еще раз прошелся вдоль строя и направился к командиру. Пока тот отвернулся, Сашка выдохнул и быстрым движением затянул ремень на пузе так, что казалось, у него глаза вот-вот из орбит вывалятся.

— Ладно, можете расслабиться... пока, — лицо инструктора в одну секунду изменилось, и он со звериного оскала переменялся на «добродушного старичка», — откуда к нам?

— Сталинград, — ответил лейтенант.

Офицер покивал, подумав о чем-то про себя, и снова обратился к строю.

— Ну что ж, рад приветствовать вас в нашей спецшколе. С недавних пор вы, товарищи разведчики, приданы в состав ОМСБОН. И спрос с вас теперь будет совершенно другой. Я лично буду готовить из вас раздолбаев — профессиональных диверсантов, — объявил он. — А теперь давайте знакомиться: майор Леонов Илья Яковлевич.

Он пожал Виноградову руку.

— Лейтенант Николай Виноградов, — снова представился командир.

Представились и остальные. Леонов обошел каждого разведчика и пожал им руки.

— Ну, а теперь пойдем, покажу вам школу и ваше расположение.

Инструктор первым направился на проходную.

— Потом в столовую и баню. Ужинайте, отдыхайте, отсыпайтесь, а с утра приступим к тренировкам!

Виноградов зашагал вслед за майором, успев при этом обернуться к своим бойцам и скопировать на лице жуткую гримасу. Разведчики переглянулись и поплелись следом за командиром.

Впервые за столько месяцев хождений по вражеским тылам спать на армейской кровати показалось им блаженством. Сон в эту ночь был таким, словно спали на облаке. Но несмотря на долгий перелет и всю накопившуюся усталость, уснули они не скоро. Прележав и поразмыслив о том, что же их ожидает впереди, уснуть удалось ближе к двум часам ночи. Только одному Соколу все было нипочем: снайпер захрапел в ту же секунду, как только его голова коснулась подушки. Я всегда завидовал этой способности. В какой бы опасной ситуации мы ни побывали и в какую бы передрагу ни вляпались — только возникает свободная минутка, Сашка тут же погружается в блаженное царствие сна. Где-то совсем неподалеку идет ожесточенная стрельба, административное здание завода «Баррикады», в котором укрылась наша группа вместе с горсткой разведчиков 39-й гвардейской стрелковой дивизии, обстреливают минометы, а он садится на корточки, винтовку кладет на колени, подпирает подбородок кулаками и спит. И все, нет его.

Роман постоянно подтрунивал над ним за это:

«Вон как хоря давит, хоть шмальни у него над ухом — даже не вздрогнет!».

Но это было не совсем так. Снайпер нутром чувствовал, когда надо было проснуться, и в случае опасности одним из первых занимал позицию и был готов к бою.

Наш и без того чуткий сон прервала команда, которую я не слышал со времен своей службы на западной границе. В расположении включился свет, и по всей казарме громогласным эхом прокатился окрик майора Леонова:

— Курсанты, подъем!

Он принялся стучать рукояткой своей финки по дужкам кроватей, создавая мерзкую металлическую чечетку, которая гулким колоколом отдавалась в голову.

— Вставайте, увальни, хватит бока мять! — продолжал орать майор. — Выходи строиться на пробежку, живо, живо, живо!

Мы вихрем слетели со своих коек, натянули штаны, намотали портянки, запрыгнули в сапоги, накинули гимнастерки и побежали вслед за довольным майором на февральский мороз. С этого утра начались жесткие ежедневные тренировки в школе особого назначения, по сравнению с которыми станция «Воропоново», где я проходил первоначальную подготовку, показалась мне детским садом.

Несмотря на свой возраст (а был Леонов на пару десятков лет старше нас), он двигался молниеносно, словно рысь, и раскидал нас всех пятерых, как маленьких детей, во время занятий по рукопашному бою.

— Это я вас еще жалею, дохляки, — подначивал нас майор, — немцы жалеть не будут, а ну встать!

Нас разозлило то, что пятеро взрослых и уже не раз бывавших за линией фронта мужиков не смогли справиться с одним Леоновым.

— Еще раз!

Первым попытался атаковать Виноградов и через секунду уже лежал на матах, скрючившись в три погибели. Следом за лейтенантом майора попытался атаковать Васильев — его постигла та же участь. Потом Агафонов: инструктор перебросил его через себя как молодого жеребенка.

Мы с Сашком решили действовать вместе и изготовились одновременно напасть на инструктора. Но все, что я успел заметить, — это полураскрытая ладонь Леонова, летящая мне точно в переносицу. Потом наступила резкая боль, в глазах засверкали разноцветные искры. Рядом со мной раздались четкие звуки хлестких затрещин и матерная ругань падающего Сокола. В следующую секунду, не успев даже вскрикнуть: «мама», мы оба успешно раскорячились под ногами Ильи Яковлевича.

— Подъем, мешки!

Шатаясь и вытирая кровь с наших разбитых физиономий, мы встали и вытянулись перед инструктором.

— Я удивлен, как вы все еще живы!

Леонов стоял, потирая кулаки, и ехидно ухмылялся.

— С одним стариком впятером справиться не можете.

Все пятеро виновато опустили глаза в пол.

— Ну ничего, не все так безнадежно. Я еще сделаю из вас диверсантов!

Он прошелся вдоль нашего строя, развернулся и удовлетворенно кивнул:

— Да, определенно сделаю. — Потом улыбнулся и добавил: — Ладно, идемте обедать!

Все мои боксерские навыки и тренировки по самообороне без оружия, которой обучались военнотружующие погранвойск, оказались совершенно неэффективными против одного опытного инструктора по диверсионной работе.

Так почти незаметно для нас прошли два следующих месяца. Мы бегали, стреляли, дрались, прыгали с парашютом, совершали лыжные марш-броски на 60 километров, занимались немецким языком. После этих занятий я все еще не мог свободно говорить, но научился довольно хорошо понимать говорящего. А этого уже было немало, ведь, как говорил инструктор:

— Разведчик не должен говорить на языке противника, но обязан понимать его.

Наше обучение проходило в суровых полевых условиях. Инструкторы школы ОМСБОНа учили нас переходить линию фронта, работать в группе, в паре или поодиночке. Обучали основам разведки, топографии и парашютной подготовке, а также работе с самыми разными взрывными устройствами.

Обучали ведению боя в различных условиях и всеми видами оружия, применению боевых отравляющих веществ, а также впервые показали наркотик, который использовался в армии рейха. Этим наркотиком был сильнодействующий стимулятор, более известный в вермахте как «Первитин». Под воздействием этого наркотического препарата солдат мог сутками обходиться без сна, не чувствовал страха, усталости и боли, практически превращаясь в универсального солдата. Только вот о побочных эффектах этой химии немецкое руководство предпочитало умалчивать. Мы изучали свойства самых разных веществ, способных как убить, так и исцелить.

— К веществам, необходимым для жизнеобеспечения, относятся: снотворные, допинговые и асептические... — Леонов поочередно показывал ампулы с препаратами, — запомните, это может пригодиться вам в глубоких рейдах в тылу.

Через две недели обучения мы стали делать первые успехи. А именно — сумели одолеть нашего инструктора. Правда, пока впятером. Согласен, звучит это смешно, но тогда нам было совсем не до смеха, ведь в первые дни обучения нам не удавалось даже дотронуться до него, не то что повалить на лопатки.

— Мне кажется, — кряхтел взмыленный Сокол, проползая под колючей проволокой, — что я за этот месяц вымотался настолько, сколько на фронте никогда не уставал!

Мы лишь невесело улыбнулись.

— Соколов! — вдруг донеслось до моего уха.

— Я! — отозвался друг.

— Головка от патефона! — Крикнул майор. — Жопу ниже опусти!

— Есть!

Сашка злобно сплюнул и, подтянув ближе винтовку, пополз дальше. Мы доползли до конца полосы, где нас уже поджидал майор, встали и выстроились перед ним.

Инструктор взглянул на секундомер, кивнул и выключил его.

— Удовлетворительно, но могли бы и лучше, — констатировал он, — пять минут перекур и обратно на полосу.

Все, кроме нас с Петром, достали папиросы и закурили. Я отошел подальше от дымящих товарищей, устало опустился на бревно и блаженно вытянул ноги. После первого месяца учебы я был окончательно уверен в том, о чем говорил выше: «Воропоново» по сравнению с этой школой было просто яслями.

— Ну, ты даешь, Сокол, — донесся дружный хохот разведчиков, — это же надо было так с бревна навернуться, ничего жизненно важного там себе не отбил?

— Да пошли вы, — обиделся снайпер.

Бойцы снова рассмеялись, а надувшийся Соколов бросил окурочек на землю, раздавил его носком сапога и направился ко мне. Вслед снайперу опять раздалось дружное гоготание..

Одним из самых запоминающихся уроков в диверсионной школе был тот, где нас учили, как убить себя в случае захвата живыми в руки противника. От японской техники откусывания языка и захлебывания кровью до практически безболезненной остановки собственного сердца без каких-либо медицинских препаратов. За два месяца полностью овладеть подобной техникой было невозможно, но теоретические основы мы запомнили. Ведь на войне бывают самые разные ситуации, и не всегда под рукой оказывается пистолет, нож или граната. Была и другая техника, которая позволяла не убить себя, а попытаться замедлить допросы и выиграть для пленного разведчика время для побега. Одним из теоретиков этой техники был сам начальник войск Особой группы Павел Судоплатов. Именно она и поможет ему впоследствии выжить в тюрьме после ареста по «делу Берии».

— Если попали в руки противника живыми, — рассказывал майор Леонов, — вы должны постепенно переставать отвечать на вопросы. Каждый день незаметно выбрасывать половину еды. Через неделю — полный отказ от пищи и полная симуляция ступора. Не реагировать на

происходящее, на вопросы и боль. Если вы покажетесь противнику важными, вас будут вынуждены перевести в лазарет. Это остановит допросы, и на какое-то время следствие встанет. Вас начнут кормить медикаментозно, и силы немного восстановятся. За это время, которое вы будете находиться в лазарете, вы должны придумать, как сбежать из плена. Это единственный шанс выжить!

Через неделю мы стали отрабатывать захваты «языка». Применялись различные сценарии, такие как: захват в городе при плотном скоплении людей, захват в здании, причем мы не знали заранее, в какой именно комнате или на каком этаже находится объект. Особый упор был сделан на захват в транспорте. Это мог быть любой вид транспортного средства: велосипед, мотоцикл с коляской, без коляски, легковой автомобиль, автобус или бронетранспортер. Мы поочередно отрабатывали захват на всех этих видах транспорта.

— В этом БТРе, на правой скамье в центре, сидит человек, и ваша задача — захватить его живым, — проинструктировал майор и уселся на то самое место немецком бронетранспортере.

Один из курсантов, изображавший водителя, завел бронемашину, и БТР, рыкнув двигателем, тронулся с места. Когда машина приблизилась к месту засады, Агафонов и Васильев повалили на дорогу прямо перед ней заранее подпиленную ель. После того как бронемашина остановилась, разведчики окружили ее и обстреляли, после чего забрались в десантный отсек и перестреляли манекены, имитирующие солдат. Леонов и курсант не пострадали.

— Хорошо, теперь усложним задачу. Вы не знаете, где именно сидит объект, ваша задача — захватить его живым.

В этот раз майор не стал сам изображать этот объект, его заменил один из манекенов, на котором инструктор нарисовал красную мишень. Условная засада повторилась, но захватить объект «живым» с первого раза не получилось. Когда Леонов осматривал манекены, оказалось, что все они — с простреленными головами.

— Плохо, отрабатываем еще раз!

Потом еще раз, еще раз, еще и еще. После недели такого оттачивания наш инструктор наконец сам взял на себя эту роль и уселся в бронемашину. Условный захват был повторен нами без единого нарекания, на майоре Леонове не осталось ни единой царапины. Тогда он впервые и искренне похвалил нас, отметив, что каждый из нас, бывший пограничник, прошедший мясорубку июня сорок первого, один стоил десятка гитлеровцев.

Кульминацией нашего обучения стало недельное выживание в лесу без какого-либо снабжения, и к апрелю мы были готовы вернуться на фронт уже совершенно другими людьми. Но Леонов не собирался так просто отпускать нас, майор придумал для группы последний экзамен.

— А что будет, если мы провалим его, товарищ лейтенант? — спросил Агафонов у Николая.

— Не знаю, — пожал плечами командир, — меня за два месяца до них из разведшколы вышвырнули. Спасибо Давыдову, что хоть под трибунал не отдали.

— Вы так и не рассказали, что произошло тогда, — сказал Юрий.

Виноградов опустил взгляд себе под ноги, сделал глубокую затяжку и выпустил из груди густую струю дыма.

— Потом как-нибудь расскажу...

Виноградову было больно вспоминать зиму 39–40 годов. Он, на тот момент курсант-отличник ленинградской разведшколы, вернувшийся из своего первого рейда по финским тылам, узнал из письма младшего брата, что их мама серьезно больна. Время было военное, и его никто бы не отпустил в город, чтобы проведать ее. А тут как назло — новое задание, командование требует привести какого-то важного «языка» с той стороны.

В ту же ночь капитан Давыдов повел группу из трех курсантов через линию фронта. И надо же было такому случиться, что рядом с домом, где обосновались финские офицеры, нахо-

дился лазарет. Николай знал свою мать: она была гордым человеком, работала детским врачом в ленинградской больнице, всегда ставила свое здоровье на второе место и никогда бы не воспользовалась теми медикаментами, что хранились под ее надзором, для себя самой. Поэтому Виноградов, который остался страховать товарищей на улице, решил, что за те пару минут, пока он будет обворовывать вражескую лечебницу, ничего страшного не случится, оставил свой пост и пробрался туда. Антибиотики, обезболивающее — все, что мог унести, рассовал по карманам и уже собирался выходить, как вдруг услышал звук подъехавшего грузовика. Не прошло и пары секунд, как ночную тишину разорвали звуки яростной перестрелки.

В ту ночь в своем желании помочь матери лейтенант стал виновником гибели своего товарища и чуть было не погиб сам. Тяжело раненого «языка» удалось доставить к своим, но потеря товарища полностью была на его совести. На следующую ночь Николай собрал все медикаменты, которые сумел вынести со склада, и, перебравшись через бетонный забор, опоясанный колючей проволокой, помчался на северную окраину Ленинграда к своему дому. На пороге встретил брат Виктор, а мама лежала в постели с сильным жаром.

— Колечка, — радостно улыбнулась она и попыталась встать.

— Лежи, лежи, мам, я ненадолго, — он наклонился и поцеловал ее в пылающий пламенем лоб, — принес тебе лекарства кое-какие...

— Тебя надолго отпустили? — спросила она.

— Э-э-э, — замылся Николай, — на пару часов, уже нужно возвращаться.

— Даже не поужинаешь?

— Нет времени, мам, я еще забегу!

Он попрощался с ней и направился к выходу.

— Постараюсь раздобыть еще чего-нибудь, — сказал он брату.

— Ты что, из части сбежал? — удивленно спросил Виктор.

— Нет, ты чего, отпустили... ненадолго, — соврал Николай, — ну все, братишка, я пошел, до скорого!

Выбежав из дома и на секунду остановившись в арке, Николай немного отдышался и припустил обратно в школу. А там уже знали, что курсант Виноградов самовольно покинул секретную воинскую часть. Проверяющий из округа решил навестить будущих разведчиков и поинтересоваться, как продвигается их обучение. И на поверке выяснилось, что одного из курсантов нет на месте. Когда Николай вернулся, школа уже была поднята по тревоге на его поиски. Только благодаря отличиям в учебе, двум успешным рейдам в финский тыл и личному ходатайству капитана Давыдова Виноградова не отдали под трибунал, хотя за такой проступок ему светили очень серьезные последствия. Он был сразу же исключен из школы, лишен всех наград и отправлен обратно в пограничную часть, откуда и прибыл на обучение.

В марте 40-го мамы не стало. Виктор писал Николаю, что она ждала его до самого последнего вздоха, а сам Николай в это время уже давно находился за сотни километров от родного Ленинграда, на погранзаставе в Западной Украине. Летом 42-го Николай потерял последнего родного человека. При попытках вырваться из окружения дивизия, в которой воевал Виктор Виноградов, была полностью уничтожена немцами на Волховском фронте.

С тех пор его больше никто не ждал домой. Да и был ли у него вообще теперь дом, он не знал. Оставалось только одно — сражаться, пока жив.

Глава 3. «По данным агентурной разведки...»

К зиме 1942–1943 годов стремительное наступление вермахта на Восточном фронте остановилось. Советские войска перешли в крупное контрнаступление по всему фронту. Отдельные части, успешно прорывая оборону немцев, продвигались на сотни километров. Германское командование больше не тешило себя надеждами на быстрый разгром Красной армии и начало проработку плана дальнейших наступательных действий на летнюю кампанию 1943 года. Сегодня с германскими войсками сражалась уже не та Красная армия, которая летом–осенью 1941 года отдавала немцам свои территории, оставляя на полях сражений целые полки и дивизии. За два года советские войска приобрели огромный опыт ведения войны, а после поражения вермахта под Москвой и Сталинградом Красная армия полностью развеяла миф о непобедимости германской военной машины и заставила немецких генералов считаться с собой. В германском руководстве начались споры и разногласия. Гитлер настаивал на сражении за каждый клочок завоеванной земли, а его генералы считали, что необходимо сменить тактику и начать войну «движений и маневров».

К единому мнению не удавалось прийти достаточно долгое время, но, учтя свою недавнюю ошибку, которую фюрер допустил в Сталинграде, не позволив армии Паулюса вырваться из окружения, что в свою очередь привело к полному ее уничтожению, Гитлер неохотно уступил генералам. Впоследствии это решение принесло положительный результат. В марте советское зимнее наступление было остановлено командующим группой армий «Юг» фельдмаршалом Эрихом фон Манштейном с помощью маневра и контрнаступления.

Гитлер жаждал незамедлительно вернуть себе инициативу, поэтому после остановки Красной армии командование сухопутных сил Германии приступило к поиску наиболее удобного плацдарма для удара по советским войскам и дальнейшего развития наступления. И вскоре такой плацдарм был найден.

К весне 1943 года советско-германский фронт представлял собой практически ровную линию от Ленинграда до Таганрога. Единственным местом, нарушавшим эту идеальную линию, был так называемый Курский выступ — участок фронта от Орла до Белгорода, выступающий глубоко за немецкие оборонительные линии. На этом выступе советские войска постоянно находились под угрозой окружения группировками войск Моделя и Манштейна.

Курский выступ выглядел очень заманчиво, и в апреле 1943 года немецкий Генеральный штаб принялся за разработку плана операции, которая бы позволила окружить и уничтожить советскую группировку войск под Курском и вернуть инициативу немцам. Германское руководство во главе с Адольфом Гитлером понимало, что следующее крупное наступление будет решающим в войне против СССР. Фюрер считал, что летнее наступление окажется удачным для Германии, ведь, как показывала практика, «немцы побеждают летом, а русские — зимой».

План летнего наступления держался Гитлером в строжайшем секрете, только узкий круг высшего военного командования был ознакомлен с ним. Фюрер подчеркивал, что от сохранения этого плана в тайне будет зависеть успех всей летней кампании.

Из оперативного приказа Адольфа Гитлера № 6 от 15 апреля 1943 года:

«Я решил: как только позволят погодные условия, провести в качестве наступательного удара операцию «Цитадель»...Она должна будет передать инициативу на эту весну и лето в наши руки. Победа под Курском должна послужить факелом для всего мира...В целях сохранения тайны, ознакомить с намерениями абсолютно необходимых лиц.

Адольф Гитлер».

Но сохранить разработку «Цитадели» в тайне фюреру было не суждено. Папка, в которой хранилась еще не подписанная Гитлером директива с планом операции «Цитадель», уже 12

апреля лежала на столе у Сталина. Настоящее имя этого человека неизвестно до сих пор. Он работал в самых верхах Третьего рейха и передавал информацию в Москву до самого окончания Второй мировой войны. Он был известен под псевдонимом «Вертер», как одноименный персонаж из произведений Гёте. Существует предположение, что «Вертер» был сотрудником Верховного командования вермахта, но никакого официального подтверждения этому предположению нет. Информацию от «Вертера» в Москву передавал работавший в Швейцарии Рудольф Рёсслер, известный в ГРУ как агент «Люци».

Немцы знали, что среди них работает шпион, и неоднократно пытались вычислить его, но все попытки выйти на след неуловимого «Вертера» оказались тщетными. Под подозрением находились многие видные нацисты, такие как Шелленберг, Мюллер, Борман и даже глава СС Гиммлер. Все они почти одновременно доносили Гитлеру друг на друга, на что фюрер лишь посмеивался в ответ. А тем временем информация из высших эшелонов власти рейха по-прежнему продолжала утекать.

Поступающие разведданные о том, что немцы планируют ударить по Курскому выступу, не оказались для Ставки неожиданностью. Уже набравшиеся опыта советские генералы пытались проанализировать дальнейший ход противника и сразу обратили внимание на опасный участок фронта. Еще в марте руководство ГРУ подготовило доклад для Ставки Верховного Главнокомандования «О вероятных планах противника на весну-лето 1943-го», в котором сказано: «Гитлер отказывается от наступления на Кавказ и в направлении излучины р. Дон. Враг рассматривает правый фланг Центрального фронта и левый фланг Южного фронта противника; здесь же – к югу от линии Орёл – Брянск – он сосредоточивает все танковые дивизии, за исключением двух-трёх».

Вскоре информация, полученная от агента «Вертера», находит подтверждение и от других источников. В частности, сигнал о готовящемся наступлении немцев в районе Курска поступает из Лондона от советских агентов Джона Кернкросса (оперативные псевдонимы: «Мальер» и «Лист») и Кима Филби (оперативный псевдоним – «Зенхен»).

Поступавшую информацию в Советском Союзе перепроверяют всеми доступными средствами. Многократно усиливается работа военной, фронтовой, войсковой разведки, ГРУ, Центрального штаба партизанского движения, органов военной контрразведки, резидентур военной и внешнеполитической разведки, а также ведомства Судоплатова.

На основании анализа всех поступивших сведений о противнике и о состоянии своих войск, Ставка Верховного Главнокомандования принимает решение о переходе к преднамеренной обороне на весь летний период 1943 года.

Немцы предполагали, что возможна утечка информации, и для того, чтобы запутать советскую разведку одновременно с «Цитаделью» начинали разработку фиктивного плана наступления. Абвер всеми способами проталкивал эту дезинформацию, а на южном участке фронта началась имитация к активным действиям.

Но этот обманный маневр был очень быстро раскрыт. Одна из диверсионных групп ОМС-БОН, действовавшая в составе партизанского соединения в Белорусской ССР и наблюдавшая за передвижением немецких эшелонов на одном из предполагаемых направлений главного удара вермахта, пустила под откос состав с бронетехникой. Когда бойцы принялись осматривать перевозимую технику, они поняли, что все это время наблюдали за одним весьма хитрым и ловким спектаклем. Поезд, взорванный диверсантами, перевозил танки, самоходки и артиллерийские орудия, которые были сделаны из досок и фанеры. Когда обман вскрылся, у советского командования больше не оставалось никаких сомнений: настоящий удар будет нанесен именно на Курский выступ. В срочном порядке в район Курска перебрасываются дополнительные части советских войск, и начинается работа по сооружению мощной линии эшелонированной обороны, которая велась круглосуточно.

На участке советско-германского фронта от Орла до Белгорода активизируется работа стратегической и оперативной агентурной фронтовой разведки. Также усиливается работа радиоразведки Центрального и Воронежского фронтов. В тыл врага в районе Курска забрасываются около пятидесяти советских разведгрупп, которые неустанно следят за подготовкой немцев к наступлению.

Вскоре от резидента ГРУ из Швейцарии Шандора Радо (псевдоним «Дора»), в агентурной группе которого работали высокопоставленные военачальники вермахта, пришло новое сообщение о том, что немцы формируют мощнейшие танковые корпуса. В дополнение к ним под Харьковом и на Донбассе ускоренно формируются еще два танковых и армейских корпуса.

Первоначально Гитлер планировал начало операции на 15 мая. Особые надежды фюрер возлагал на новые танки — «Тигры», «Фердинанды» и «Пантеры». Но немецкие заводы не успевают справляться с планом, и достаточное количество новых танков к указанному сроку в войска не поступает. Также наступление задерживал и тот факт, что немецкие танкисты не были обучены работе на новой технике, а их обучение также требовало времени. По этой причине Гитлер переносит дату начала операции «Цитадель» на конец июня. Это время он планирует посвятить самым жестким и решительным мерам в подготовке к удару на Курск. Поражение было недопустимо. Он задействовал все силы и ведомства в подготовке к предстоящей операции. Фюрер говорил, что каждый должен внести свой вклад в победу летней кампании.

Это касалось и германской разведки — Абвера и СД. Абверу было поручено бросить все имеющиеся силы для обеспечения успеха операции «Цитадель». В советский тыл забрасываются десятки диверсионных групп Абвера, а также его «друга-конкурента» — «Цеппелина». Теоретически «Цеппелин» не занимался диверсионной деятельностью, так как СД не имело права этого делать; в его задачи входили изучение политического состояния и развитие повстанческого движения. К тому же подготовка диверсантов «Цеппелина» была намного слабее, чем в Абвере, но в данном случае слишком многое, если не все, было поставлено на карту, поэтому в работе в советском тылу были задействованы оба этих ведомства. Перед частью диверсионных групп была поставлена задача: повреждение коммуникаций, создание хаоса в тылу, уничтожение штабов и опорных пунктов противника.

Но были среди диверсантов «Цеппелина» и те, кто готовился к выполнению особых задач. Эти агенты и боевые группы проходили сложнейшую подготовку и должны были готовы устранить командующих Центрального и Воронежского фронтов, генерала армии Рокоссовского и генерал-лейтенанта Ватутина.

Глава 4. «Их лучшее оружие - хитрость»

Их готовили как первоклассных специалистов в своем деле, способных решить любую боевую задачу, с которой бы не справился никто другой, — именно так зарекомендовали себя омсбоновцы с самых первых месяцев Великой Отечественной войны. Экзаменом для бойцов лейтенанта Виноградова, который получил наименование операция «Часовой», как раз и было выполнение такой задачи. Этот экзамен был испытанием лично для каждого из них, призванным доказать самим себе, достойны ли они служить в этом подразделении или же им не было места в войсках особого назначения.

Несмотря на масштабную эвакуацию московских предприятий и основной массы оборудования осенью 1941 года, работа на столичных заводах не прекращалась. На освобожденных площадях эвакуированных заводов было организовано производство различного рода вооружений и боеприпасов. О масштабах этой работы ярко свидетельствует организация массового выпуска пистолетов-пулеметов ППШ, которые уже через месяц после начала производства начали массово поступать в войска Центрального фронта.

В задачи диверсантов входило: проникновение на один из строго охраняемых оборонных заводов, похищение особо засекреченных деталей и «минирование» определенных цехов. Задание осложнялось тем, что об этой операции были уведомлены столичные чекисты. Они были заранее предупреждены о том, что с 13 по 24 апреля в город придут «диверсанты», которые попытаются проникнуть на одно из трех предприятий. Был даже дан их словесный портрет: группа из 5–8 человек, на вид 25–30 лет, русские, спортивного телосложения, предположительно будут перемещаться в форме офицеров Красной армии или сотрудников НКВД. Московские чекисты получили приказ предпринять самые решительные действия и задержать «вражеских диверсантов». Этот экзамен был проверкой не только для самих разведчиков, но и для оперативных и внутренних войск, поскольку это задание также имело замысел выявить недостатки в охране объектов особой государственной важности.

— На выполнение поставленной задачи вам отводится ровно двенадцать суток, — проводил инструктаж майор Леонов. — Тут всё, что вам потребуется: гражданская одежда, военная форма, документы и деньги.

— Дадите какой-нибудь совет, товарищ майор? — спросил Виноградов.

— Совет у меня для вас только один, — ответил инструктор, — чаще применяйте голову и реже грубую силу. Разведчик прежде всего обязан наблюдать, думать и анализировать, а уже потом головы врагу сворачивать. Больше никакой помощи и подсказок, дальше сами.

— Для нас существуют какие-то ограничения в выполнении задачи?

— Нет, вам разрешено действовать по своему усмотрению, — ответил майор и, усмехнувшись, добавил: — разумеется, кроме реального уничтожения объекта и убийств военнослужащих.

Закончив инструктаж, он внимательно осмотрел стоящих перед ним разведчиков.

— Вопросы есть?

— Никак нет! — хором ответили бойцы.

— Тогда приказываю приступить к сдаче экзамена.

Действовать решили по общему плану, но разделившись, чтобы не попадаться на глаза всей группой. В город каждый из диверсантов прибыл разными путями. У каждого из них была своя собственная «легенда» и подготовлены соответствующие документы.

Для местных органов НКВД было делом принципа поймать «вражеских» лазутчиков. На улицах были увеличены патрули, многократно усилена охрана заводов, на которые, предположительно, совершат атаку «диверсанты». Руководство этих предприятий было предупреждено

о возможном проникновении лазутчиков и обязано было проявлять максимальную бдительность. Органы местной милиции и НКВД были переведены в круглосуточный режим работы по особому графику. На вокзалах и автостанциях был введен режим тотального контроля, все приезжающие проходили жесткие проверки. За некоторыми приезжими устанавливали негласное наблюдение, а особо подозрительных «брали на учет».

Виноградов и Агафонов, одетые в гражданскую одежду, прибыли в город на поезде и сошли с него на ходу, до остановки на станции, тем самым успешно миновав выставленные кордоны. Васильев, который до войны много раз бывал в столице и прекрасно знал город, переодетый в форму сотрудника милиции, так же успешно обошел посты; его документы сумели выдержать все проверки. Соколов и Луговой решили добираться пешком и, совершив ночной марш-бросок, к рассвету уже вышли к пригороду столицы. Встреча была назначена на одной из предоставленных разведчикам конспиративных квартир неподалеку от завода.

На следующее утро диверсанты приступили к разведке и выявлению возможных путей проникновения на завод. Охрана была усилена настолько, что казалось, будто через такое охранение незамеченной даже муха не пролетит. Они были очень общительными людьми, быстро заводили знакомства и умели расположить к себе собеседника. Именно так они смогли получить общую информацию о заводе, знакомясь с некоторыми рабочими в пивных, щедро угощая их: ведь, как известно, пьяный языку не хозяин. Диверсанты использовали в беседах с рабочими весьма хитрый психологический прием, чтобы расположить к себе человека и вызвать у него полное доверие к себе. Например, они могли представиться тезкой или земляком человека, расспросить о родителях, семье или детях и как бы между делом - про работу.

— Тут не пройдет наш фортель, который мы в Крыму выкинули, — сказал командир группы, когда группа собралась вместе.

— Ты про то, как мы того майора из плена вытаскивали? — спросил Васильев.

— Угу, — кивнул Виноградов. — Они ждут нас и будут досматривать каждую машину, тут надо придумать что-то другое.

— Может быть, как-то отвлечь охрану? — предложил Юрий.

— Может сработать, — согласился лейтенант.

— Тихо, мужики!

Соколов подбежал к радиоприемнику и начал настраивать его.

— Сводки передают.

Через минуту шипение в эфире прекратилось, и из динамиков зазвучал голос диктора Левитана.

«От советского ИНФОРБЮРО:

14 апреля частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено или повреждено не менее 40 немецких автомашин с войсками и грузами, разбит железнодорожный состав, подавлен огонь 8 батарей полевой и зенитной артиллерии противника.

На Кубани части Н-ского соединения вели активные боевые действия. Немцы подтянули на этот участок подкрепления и силами пехоты и 46 танков всю вторую половину дня вели ожесточенные контратаки. Наши бойцы отбили все контратаки гитлеровцев и нанесли противнику тяжёлые потери. Особенно большие потери понесли немцы от огня нашей артиллерии. Подбито и сожжено 19 немецких танков. На поле боя подсчитано свыше 600 трупов немецких солдат и офицеров. Взяты пленные и трофеи.

На Западном фронте огнём пехоты и артиллерии уничтожено более 100 немецких солдат и офицеров. На одном участке усиленная рота пехоты противника атаковала наши позиции. Гитлеровцы были отброшены на исходные рубежи с большими для них потерями.

Южнее Балаклеи наши подразделения вели бои местного значения, в ходе которых уничтожили 120 немецких солдат и офицеров, 2 орудия и 8 пулемётов. Снайпер т. Ломакин за последние дни истребил 8 гитлеровцев и поджёг зажигательными пулями два вражеских склада

с боеприпасами. Снайпер т. Попов уничтожил 22 немца, т. Петухов-18, т. Черняк истребил 15 немцев.

В районе Севска артиллеристы подразделения, где командиром капитан Зубреев, произвели огневой налёт на занятую немцами железнодорожную станцию. Первыми же снарядами был подожжён вражеский бронепоезд. Кроме того, уничтожены артиллерийская батарея и 80 павозок с различными грузами.

На Ленинградском фронте немецкая пехота при поддержке танков несколько раз атаковала позиции Н-ской части. Наши подразделения ружейно-пулемётным и миномётным огнём отбили все атаки и уничтожили до роты гитлеровцев. Советские артиллеристы подбили 2 немецких танка, уничтожили 2 орудия, 4 миномёта и 5 автомашин. На подступах к Ленинграду наши лётчики и зенитчики сбили 6 немецких самолётов.

Разведчики партизанского отряда, действующего в одном из районов Минской области, установили, что утром на участке железной дороги Минск - Славное должен пройти воинский поезд. Ночью партизаны заминировали в нескольких местах железнодорожное полотно. На рассвете, когда поезд противника проходил по заминированному участку, командир отряда включил ток. Раздался оглушительный взрыв. Вагоны, громоздясь один на другой, полетели под откос. Немецко-фашистские оккупанты, пытавшиеся выскочить из вагонов, попадали под огонь партизанских пулемётчиков и снайперов. Много гитлеровцев было убито и ранено. Партизаны отошли, не понеся никаких потерь».

— Партизаны отошли, не понеся потерь, — повторил Петр слова Левитана, — а мы тут детским садом занимаемся, пытаемся насрать себе же в башмаки.

Разведчики неодобрительно взглянули на Агафонова.

— Что ты вообще здесь делаешь, если думаешь, что все это детский сад? — спросил Луговой.

— Если мы провалим учебную диверсию на своем же заводе, то нам только хлебобулочными изделиями до конца войны служить, — ответил лейтенант, — и чтобы больше я такого ни от кого из вас не слышал!

Радист понял, что сморозил ерунду, и, опустив глаза в пол, извинился:

— Виноват, товарищ лейтенант, был не прав.

— То-то же.

Через неделю разведчики уже знали все о работе завода и его охране. Знали, чем занимался каждый из цехов, где хранятся нужные им детали, кто был ответственным, фамилии некоторых мастеров, а также узнали, что «начальство бдит день и ночь в ожидании каких-то диверсантов».

Самый веселый и болтливый из группы, Соколов, вызывал у окружающих образ балагура, пустозвона, весельчака и вообще «своего в доску». Он чаще всех появлялся в местах досуга рабочих и невзначай выпрашивал у них все, что интересовало разведчиков. Он был эдаким симпатичным, веселым и щедрым на угощение парнем с «соседней улицы», комиссованным из армии после тяжелого ранения и любившим поболтать в «душевной» компании за кружечкой пенного. Именно Александр сумел предотвратить провал «Часового», получив информацию от подвыпившего токаря о том, что в системе подземных коммуникаций завода — кабельных туннелях и колодцах — чекистами была организована засада. Именно по этим туннелям лейтенант Виноградов планировал изначальное проникновение на территорию предприятия.

Еще через три дня, после сбора всей интересующей информации, диверсанты приступили к разработке нового плана по проникновению на завод. Действовать решили во второй половине дня, в последний день операции, когда бдительность охраны будет уже не такой высокой. Возможно, они решат, что «вражеские лазутчики» решили напасть на другое предприятие, раз тут до сих пор не объявились.

Накануне ночью Юрий подговорил местную шпану взорвать изготовленные им хлопушки. в определенное время, в определенном месте, чтобы отвлечь охрану, а взамен, диверсант пообещал научить их самих делать такие же из подручных материалов. Пацаны думали не долго, ведь их новым «талантам» завидовала бы вся окрестная детвора.

На следующий день во время обеденного перерыва рядом с центральным КПП раздалось громкое стрекотание. К тому месту сразу же выбежали бойцы роты охраны НКВД. Но тревога оказалась ложной. Когда патруль подбежал к металлическому контейнеру, откуда доносился подозрительный звук, чекисты заметили убежавших от того места нескольких радостно визжащих ребятишек.

— Ух, мелкие засранцы! — пригрозил им вслед усатый капитан.

Этих двух минут оказалось достаточно для того, чтобы четверо одетых в рабочие робы незнакомцев успели подтащить к высокому забору длинный деревянный брус, набросить на колючую проволоку старую фуфайку и перебраться по ней на территорию завода. Пятый, оставшийся снаружи, быстро сдернул фуфайку назад и оттащил брус в сторону. Охрана не успела заметить ничего подозрительного.

Как только «диверсанты» оказались за охраняемым периметром, то сразу же разделились. Луговой и Соколов схватили тяжелую железную штуковину, которая валялась у забора, и поволокли ее к одному из цехов, а лейтенант и Васильев отправились добывать нужные детали. Это был еще один тонкий психологический расчет: все, кто встречался диверсантам на пути, обращали внимание лишь на тяжесть железной конструкции и жалели бедных надрывающихся «работяг». Они слышали вслед лишь сочувствующие предложения «взять себе в помощь еще нескольких человек, а то так и спины сорвать недалеко».

Лишь когда они уже добрались до нужного цеха, один мастер спросил у них:

— Мужики, а вы кто вообще такие и на кой черт тащите сюда эту херовину?!

На что получил от обливающегося потом Юрия совершенно искренний ответ:

— Да пошел ты в жопу со своими вопросами, лучше бы помог нам, чем языком трепать!

Поняв, что лучше не трогать «бедных мужиков», мастер отошел от них. Поставив конструкцию в неприметном месте и немного отдышавшись, диверсанты убедились, что опасность миновала, и достали муляжи мин, которые были крепко привязаны к их телам.

В полдень 26 апреля в школу приехал подполковник Давыдов для того, чтобы поинтересоваться у Леонова, как прошел экзамен у его подопечных. Инструктор ответил, что время на выполнение задачи уже давно истекло, но никаких известий пока нет, и предложил ему подождать новостей от Виноградова за стаканом чая в его кабинете.

— Как считаешь, Илья Яковлевич, справились мои ребята? — прихлебывая сладкий чай, спросил подполковник.

— Алексей Петрович, — закуривая папиросу, ответил Леонов, — я, конечно, понимаю, что сейчас война и лишнего времени у нас нет, но обучить за столь короткое время профессионального кадра невозможно.

Давыдов внимательно слушал инструктора, а майор, поглядывая на часы, продолжил:

— Думаю, что не по зубам им этот экзамен.

— Но ведь не было никаких сообщений об их поимке, — лукаво улыбаясь, ответил подполковник.

— Это еще ни о чем не говорит, — пожал плечами инструктор.

— Не веришь ты в своих воспитанников, майор.

— Я привык смотреть на вещи реально, — выдохнув дым, сказал Леонов, — не мне вам рассказывать, Алексей Петрович, сколько по статистике разведгрупп, заброшенных в тыл противника, выживают и возвращаются обратно.

Подполковник промолчал, но, согласившись с майором, кивнул.

— И я говорю о подготовленных группах, на обучение которых потрачено не менее полу-года, это как минимум, — он снова затянулся, — а эти щенки с месячной муштрой?

— Когда мы только создавали бригаду, времени на «муштру» было и того меньше. Сколько дней мы обучали ребят, помнишь? А тут целых два месяца подготовки. К тому же не забывай, что они не необстрелянные зеленые юнцы, коих мы с тобой готовили в сорок первом. Эти ребята из многих передраг возвращались живыми и успешно выполняли поставленные задачи.

Давыдов бросил серьезный взгляд на Леонова и громко бухнул свой стакан об стол. Майор взглянул на Давыдова, но ничего не сказал.

— В сорок первом никто себя не жалел, Илья Яковлевич, — продолжал подполковник, — не мне тебе рассказывать, ты и сам все помнишь.

— Помню, — кивнул Леонов.

Спустя полчаса их беседы в кабинете майора раздался телефонный звонок.

— Слушаю, Леонов... — выслушав в трубке короткий доклад, он ответил: — Пропустите.

Через три минуты в кабинет постучались.

— Ну, сейчас мы все и узнаем, — сказал Илья Яковлевич и громко крикнул: — Заходите!

В кабинет инструктора вошли пятеро мужчин в гражданской одежде и, встав в ряд, вытянулись перед офицерами.

— Товарищ подполковник, — обратился к Давыдову запыхавшийся Виноградов, — разрешите обратиться к товарищу майору?

— Обращайтесь, — кивнул он.

— Товарищ майор, задание выполнено, — улыбнулся Николай и, подойдя к столу Леонова, вывалил на него несколько похищенных с завода деталей и скомканный тетрадный лист.

— Вот сами изделия и план цехов с пометками, где заложены взрывные устройства, — пояснил лейтенант.

Увидев детали, подполковник восхищенно улыбнулся, кивнул лейтенанту и, вскинув правую бровь, покосился на Леонова:

— Ну что скажете, товарищ инструктор, мои ребята справились с вашим экзаменом?

— Безоговорочно! — ответил он. — Молодцы, признаюсь, не думал, что осилите.

Услышав похвалу от Леонова, разведчики заулыбались, ведь это был уже второй раз, когда инструктор похвалил их.

— Теперь я хочу получить от вас подробные докладные об операции «Часовой», — заворачивая детали в ветошь, сказал инструктор, — пишите все, что делали каждый день и час, и еще запишите фамилии всех, кто был вольным или невольным вашим соучастником.

Бойцы переглянулись между собой. Немного помявшись, лейтенант ответил:

— Мы обошлись своими силами, товарищ майор, никто из заводских нам не помогал.

Подполковник встал и, бросив взгляд на добытые диверсантами изделия, направился к двери. Переступив порог кабинета Леонова, он на секунду остановился и, обернувшись к майору, сказал:

— Не в их правилах кого-то подставлять, Илья Яковлевич, — и, взглянув Виноградову в глаза, добавил: — Молодцы, ребята, ни минуты в вас не сомневался.

— Служу трудовому народу! — хором ответили разведчики.

Глава 5. «Война сильнейших разведок мира»

Глубокой ночью 11 мая 1943 года немецкий бомбардировщик, беспрепятственно преодолев линию фронта, появился в советском тылу. Местность, в которой было решено произвести заброску, была пустынна на многие километры вокруг, и никто не заметил, как посреди звездного неба развились три белых парашюта. Спустя несколько минут из леса на проселочную дорогу вышел человек в форме старшего лейтенанта Красной Армии с увесистым вещмешком за спиной и, оглядевшись по сторонам, направился в сторону ближайшего населенного пункта. Немного пройдя по дороге, позади лейтенанта показалась гужевая повозка с одиноким человеком в плаще. Офицер остановил ее и спросил у мужчины, где находится ближайший населенный пункт и как долго ему еще добираться до него. Человек ответил, что лейтенант в часе хода от места расположения железнодорожной части, и предложил подвезти его. Лейтенант с радостью согласился и забрался в повозку, но, проехав всего несколько метров до развилки, повозка была окружена бойцами НКВД. Лейтенант, не проявляя ни намека на какую-то тревожность, поднял руки вверх и медленно слез с нее.

— Я немецкий диверсант, — сказал он и положил на землю свой вещевой мешок. — Прошу доставить меня в отдел военной контрразведки.

Человек в плаще, который управлял повозкой, подошел к мешку и раскрыл его. В мешке лежала рация, два пистолета «ТТ» с запасными магазинами и пачками патронов к ним, один пистолет «Вальтер», четыре гранаты, множество поддельных документов с печатями, бланками и фотографиями, а также несколько толстых пачек советских рублей.

— Не волнуйся, голубчик, обязательно доставим.

Незнакомец снял с себя плащ и отложил его на борт повозки. В свете фонарей, которыми бойцы подсвечивали рюкзак схваченного парашютиста, блеснули майорские погоны.

— Грузите, — махнул он рукой.

Ночной мрак пронзили яркие лучи автомобильных фар, и на развилку вырулила крытая полупортка, в которую чекисты затолкали пленного диверсанта.

Решение во что бы то ни стало вернуться на Родину возникло у него сразу, как только он попал в лагерь военнопленных. Очень хотелось вернуться домой, вернуться кем угодно: человеком или животным, героем или трусом. Когда в лагерь впервые пришли вербовщики, он старался затесаться поглубже в толпу, лишь бы к нему не подошли. Он боялся, что его желание жить сыграет против него, натолкнет его на измену Родине и в первую очередь – самому себе.

Но шли дни, недели, месяцы. Он жил в лагере, страдал от нечеловеческих условий и надеялся на то, что избавление уже близко. Он смотрел с презрением в спины тех, кто не выдерживал и соглашался на сотрудничество с немцами, и каждый вечер хоронил в братских могилах своих товарищей, погибших от голода и болезней. Он пережил всех тех, с кем попал в плен, тех, кого он знал, кому доверял и на кого мог положиться.

Это судьбоносное решение он принял, когда вез на тележке умершего утром Мишу Коростылева к огромному рву с трупами на окраине лагеря. Миша был последним человеком, который не давал ему сломаться и вселял в него надежду. Когда тело Миши скатилось по стенке рва на самое его дно и смешалось с множеством других гниющих трупов, он понял, что ждать больше нельзя. Когда через неделю в лагерь снова пожаловали вербовщики, он одним из первых вышел к ним из строя. Уходя прочь за ворота лагеря, он и пара таких же бедолаг затылком чувствовали ненавистные взгляды своих бывших товарищей.

В разведшколе постоянно твердили, что прийти в НКВД означало верную смерть. И он готов был принять ее там. Почти каждую ночь, когда он закрывал глаза, его посещали воспоминания о родном поселке, семье, журчании речки, в которой он купался еще ребенком, запахе

свежего хлеба, который выпекала его матушка. А еще — о красивой девушке с соседней улицы, к которой он хотел подойти и познакомиться, но так и не решился. Все эти сны пересилили страх перед расстрелом.

Порог разведшколы «Цеппелина» он впервые переступил в сентябре 1942 года. В школе он получил псевдоним «Шишков» и старался делать успехи в учебе, чтобы его как можно скорее заметили и отправили за линию фронта. И это ему удалось: на своем курсе он стал лучшим курсантом по минно-подрывному делу и не раз удостоивался похвалы инструкторов.

Наконец наступил день, который «Шишков» так долго ждал. Его вызвал к себе начальник разведшколы и сообщил, что он будет заброшен за линию фронта под Курск с заданием разведывательного характера. Он выслушал все, что ему доложил немец. Когда он вышел на свежий воздух, ликование его души не было предела, ведь совсем скоро он снова окажется дома.

Двое конвоиров привели задержанного парашютиста к небольшому кабинету и ткнули последнего лицом в стену. Один из них громко постучал и приоткрыл дверь.

— Товарищ майор, арестованный доставлен! — отработовал конвоир. — Заводите.

Его грубо схватили под руки, завели в кабинет и усадили на стул.

— Снимите наручники, — распорядился офицер.

Конвоиры неуверенно переглянулись, но поспешили подчиниться.

— Свободны. — Есть!

Козырнув майору, бойцы развернулись и покинули кабинет. Проводив их безразличным взглядом, диверсант потер затекшие кисти и перевел взгляд на следователя. Тот стоял у приоткрытого окна спиной к парашютисту и курил. Поворачиваться спиной к такому человеку, прошедшему подготовку в немецком разведывательном ведомстве, было крайне опрометчивым поступком, но майор почему-то не проявлял совершенно ни единого намека на беспокойство.

— Жить хочешь? — спросил офицер, не поворачиваясь к арестованному.

— Хочу, — тихо ответил диверсант.

— Это хорошо, твоя жизнь — в твоих руках.

Контрразведчик выпустил из груди густое облако дыма, затушил окурок и прошел к своему столу.

— Куришь?

Диверсант кивнул. Майор положил перед ним пачку папирос, спички и пепельницу.

— Угощайся, — кивнул он на сигареты.

Парашютист выудил папиросу и, закулив, с наслаждением затянулся.

— Теперь рассказывай.

На допросе в отделе военной контрразведки «СМЕРШ» Центрального фронта пленный парашютист рассказал оперативнику все без утайки.

— Я бывший командир саперного взвода, старший лейтенант Платов Сергей Александрович, 1909 года рождения, уроженец Чернигова...

— При каких обстоятельствах вы попали в плен?

— В начале июля 1942 года наш полк держал оборону в районе деревни Веревкино. В ночь с 10 на 11 июля мы пошли в контрнаступление. Продвигались под сильным артиллерийским обстрелом. Один из снарядов упал рядом со мной, меня отбросило на несколько метров, я сильно ударился головой и потерял сознание. Когда очнулся, уже была ночь. Из-за сильной контузии я не соображал, где сейчас нахожусь и куда ушла моя часть. Проплутав в темноте несколько минут или часов — сейчас трудно сказать, — я увидел вдалеке свет от фонарей. Думал, что это наши. Вышел к ним, но это были немцы.

— При вас было оружие?

— Так точно, пистолет «ТТ» с полным магазином.

— Почему вы не стали обороняться?

— Как я уже говорил, сначала решил, что это свои, но когда я к ним вышел, то даже не успел ничего понять. В глазах двоится, голова раскалывается, и все содержимое желудка наружу просится. Пока понял, что к чему, мне автомат под ребро сунули и пистолет забрали. А куда ж голыми руками против автоматов?

— Вас обыскивали?

— Так точно, документы и оружие забрали...

Майор оторвался от заполнения показаний пленного диверсанта и взглянул ему в глаза.

— Вижу, вы честный человек, Сергей Александрович, — сказал оперативник, — многие не раскрывают подобные эпизоды своего пленения. Вы же понимаете, какое наказание грозит за утерю документов и табельного оружия?

— Понимаю, гражданин майор, но я не собираюсь ничего утаивать, я хочу кровью искупить свою вину и продолжать сражаться с фашистской гадinou.

Диверсант без утайки рассказывал все подробности своего пленения и нахождения в лагерях военнопленных, рассказал, чем занимался, указал имена тех, кто помогал лагерной охране, и тех, кто соглашался на сотрудничество с немецкой разведкой.

— Расскажите о том, как вы оказались на службе у немцев.

— После того как последствия контузии немного утихли, я и двое других пленных решили бежать и пробиваться к своим. Нас как раз перевозили в другой лагерь в полувагонах, и на первой же станции, когда состав остановился, мы задушили охранника и бежали. Проплутав двое суток и совершенно не понимая, где находимся, набрали на небольшой хутор. Зашли в ближайшую хату, хотели узнать, где мы и где сейчас фронт. Хозяин оказался добрым мужичком, накормил нас, напоил, одежду кое-какую дал, предложил переночевать и поспать по-человечески. Мы, голодные, холодные, на радостях согласились и уснули. А эта сука оказалась местным старостой. Так вот, пока мы спали мертвецким сном, он потихоньку сквозанул из дома и бегом — до ближайшего патруля. Нас тепленькими и взяли.

— Имя и фамилию этого человека вы знаете?

— Никак нет.

— Продолжайте показания.

— Когда я снова оказался в лагере, то понял одно: единственная возможность выбраться оттуда живым и вернуться к своим — это втереться к немцам в доверие. Поэтому, когда к нам пожаловали вербовщики, я вышел к ним. Поскольку я хорошо знаком с минно-подрывным делом, меня охотно приняли.

— Теперь расскажите про разведшколу. Кто производил заброску, какие позывные, где она находится, какое имеет обозначение, о преподавателях и курсантах.

— Заброску производил «Цеппелин», позывные радиостанции — «Суви». Школа располагается в отдаленной лесистой местности близ деревни Печоры. В документах имеет обозначение как «Особая часть СС» или, как ее еще называют немцы, «Ваффеншалле». Отвечает за подготовку агентов преимущественно из выходцев с оккупированных областей Советского Союза. Лишь малый процент курсантов составляют немцы, но они обучаются отдельно, мы с ними никогда не контактировали. Начальник школы — штурмбаннфюрер Хайнц Вебер. Среди преподавателей также есть как минимум двое русских, по слухам — бывшие офицеры царской армии. Пока проходило мое обучение, я собирал информацию обо всем, что происходило в школе, записывал имена курсантов, которые обучались со мной, и тех, кто готовился к заброске. Также записывал даты и возможные районы заброски. Имена преподавателей — кого знал, подробный план школы... в общем, все, что только мог узнать, чтобы прийти к вам не с пустыми руками.

— И где же вся эта информация?

— Рядом с местом, где я приземлился. Там, между двумя соснами, у одной из которых ствол немного обожжен, в земле зарыт сверток. В нем взрывпакет с расплавленным толом, а в толе — тубус со всеми моими записями.

Родина встретила Платова тюремными решетками и ночными допросами, но ничего другого он и не ждал. Диверсант рассказал контрразведчикам все о работе рации, ее позывные, методы шифрования и об условных сигналах в случае работы радиостанции под контролем. Он рассказал, что в городе уже работает группа агентов, сказал, кто они, назвал их настоящие имена. Вскоре подходящих под описание людей задержали. На допросах они отказывались идти на контакт со «СМЕРШем» и на все заданные вопросы отвечали строго по легенде, подготовленной в «Цеппелине».

— Почему немцев интересует этот участок?

— Не могу знать, гражданин майор, — ответил Платов, — могу сказать только то, что мы не единственные, кто был высажен в этой полосе фронта. Когда мы производили крайние учебные прыжки, там на аэродроме как раз готовились к вылету две группы, но это были не наши, ну в смысле не бывшие пленные, а немцы. Я успел услышать пару слов перед тем, как они ушли: «золотухинский» и «ждать приказа».

Информация, которую передал «Шишков», оказалась очень ценной, и «СМЕРШ» решает начать с «Цеппелином» радиоигру. Но прежде чем приступить к ней, требовалось проверить и подтвердить предоставленные Платовым сведения. Разведданные могли считаться достоверными, если получали подтверждение от двух и более независимых друг от друга источников.

Глава 6. Позывной «Норд».

Он лежал без движения уже четвертый час подряд, высматривая свою цель. В перекрестии оптического прицела то и дело мелькали вражеские силуэты, и он в любой момент мог поразить их. Но он этого не делал. Он ждал того, за кем и пришел сюда накануне. Темная хищная тень проникла в лесной массив, сразу за которым начинались линии «вражеских» траншей, перед самым рассветом. Перед тем как выбрать себе позицию, тень опустилась на корточки и, прислонившись спиной к молодой сосне, закрыла глаза и стала слушать. Она слушала лес, слушала его звуки, пыталась понять, кто был в этом лесу до нее. Крики птиц, завывание ветра, гонящего кроны деревьев. Она полностью слилась с окружением, она сама стала частью этого леса. Частью этой земли. Чем-то неживым. Если бы мимо нее сейчас пробежал какой-то лесной зверь, наверное, даже он не сразу понял, что прямо перед ним сидит человек, а не какой-то старый тухлявый пень.

Зверь — не человек, его очень сложно обмануть. Он почувствует опасность за километр и никогда не даст неопытному охотнику подстрелить себя. Но тень, сидевшая под сосной, не была «неопытным» охотником. Она училась обманывать зверя, ведь тот, кто в совершенстве владеет этим навыком, становится одним из самых опасных убийц по обе стороны фронта.

Изучив поведение леса и населявших его жителей, он открыл глаза и медленно поднялся. Птицы вели себя спокойно и не проявляли ни малейшей тревоги. Снайпер был в лесу совершенно один, а значит, можно было не опасаться, что его обнаружат раньше времени. Взяв винтовку, он пригнулся, и не издавая ни единого звука, аккуратно двинулся к намеченной позиции. Теперь оставалось только ждать. Его задача осложнялась тем, что враг, за которым охотился снайпер, прекрасно знал, что в этот день убийца явится по его душу. Он будет осторожен. Он попытается обмануть снайпера, сделать так, чтобы он выдал себя прежде, чем успеет нанести удар. Но этого не случится. Сегодня пуля поразит свою цель.

Винтовка является лучшим другом для любого снайпера. Отдаешь ей все свое внимание — чистишь, смазываешь, пристреливаешь — и она никогда тебя не подведет. Вот над бруствером выглядывает силуэт в офицерской фуражке и аккуратно двигается вдоль линии траншей. Любой опрометчивый и нетерпеливый стрелок сразу же выстрелит и тем самым попадет на самую распространенную уловку. И в этом случае пуля промеж глаз будет обеспечена отнюдь не цели, а самому стрелку.

— Слишком просто, — одними губами прошептал снайпер, провожая в прицел куклу, выставленную специально для него.

Терпение, разум, наблюдение и еще раз терпение. Игра начинается. Кто кого перетерпит? Кто кого пересидит? Над бруствером снова показывается офицерская фуражка, на несколько секунд замирает и скрывается в глубине окопа.

— Хитрый лис, — улыбнулся стрелок, — ты меня на это не купишь.

И снова терпение, наблюдение, размышление.

Наконец что-то в траншее привлекает внимание снайпера. Вот оно, сейчас будет идеальный миг. Дыхание становится ровным, спокойным. Сейчас для него не было на свете ничего, кроме мишени в перекрестии оптического прицела и спускового крючка. Он подкручивает маховик, определяет расстояние до цели и берет нужную поправку. Глубокий вдох. Буквально на секунду над бруствером возникает голова в немецком шлеме, перетянутом маскировочной сеткой. На выдохе палец плавно выжимает спуск. Раздается выстрел.

Над лесом раздается эхо и глухо проносится по всей территории полигона. Мирно восседавшие на кронах сосен вороны, даже не заметившие, как этот человек прошел прямо под

ними, сорвались со своих ветвей и, разрываясь отчаянным карканьем, хлынули прочь от испугавшего их невидимки.

Двое офицеров, находясь на смотровой вышке, внимательно наблюдают в бинокли за траншеей. Вот оттуда высовывается боец, поднимает вверх простреленную куклу и демонстрирует ее наблюдателям.

— Неплохо, — восхищенно сказал один из офицеров, опуская бинокль, — разгадал нашу хитрость... многие сразу по офицерской фуражке лупят, а твой додумался.

— Стараемся, товарищ полковник, — улыбнулся лейтенант.

Полковник снова взглянул в бинокль и уставился на перелесок, откуда был произведен выстрел. К ним подошли еще трое офицеров и встали рядом с Виноградовым, ожидая, пока командир ОМСБОН закончит обозревать окрестности.

— Товарищи офицеры, кто-то из вас заметил, как стрелок прошел в перелесок и занял снайперскую позицию? — спросил Гриднев.

— Никак нет, товарищ полковник! — хором ответили чекисты.

Гриднев кивнул, отложил бинокль и повернулся к лейтенанту Виноградову.

— Ну что ж, лейтенант, все твои ребята неплохо себя показали... особенно этот снайпер. Считаю, что вы готовы к самостоятельной работе.

— Спасибо, товарищ полковник, — улыбнулся Николай, — не подведем!

— Все свободны, товарищи командиры!

Полковник отдал воинское приветствие и направился к выходу с тренировочного полигона.

— Закончить занятия! — раздался усиленный мегафоном голос Виноградова.

Соколов встал, обтряхнул свой маскхалат, подхватил винтовку и, расплывшись в широкой улыбке, бодрой походкой направился к ожидавшим его товарищам...

К весне 1943 года Москва ожила. Жизнь в столице снова начала наливаться красками, и вера москвичей в победу над врагом крепла с каждым новым днем. Начали открываться кино-театры, кафе, чаще стали проводиться праздники. Улучшались отношения с церковью, для верующих начали открываться храмы. За всей этой оживленной городской суматохой иногда начинало забываться, что где-то там, в нескольких сотнях километров от Кремля, бушевала война. Ходили трамваи, по дорогам сновали редкие автомобили, и не было слышно грохотающих выстрелов, взрывов или воя сирен. В ЦПКиО имени Горького готовились к открытию выставки трофейной немецкой техники. Экспонатов было пока маловато, но газеты обещали в скором времени что-то поистине грандиозное.

Вылет был назначен на восемь часов вечера. На подмосковном аэродроме диверсантов уже дожидался двухмоторный «Дуглас». Они появились на взлетной полосе почти на полтора часа раньше назначенного времени. Механики, готовившие самолет к ночному вылету, ничуть не удивились, когда к ним из вечерних сумерек вышли пятеро мужчин, облаченные в коричневые маскировочные куртки, под которыми красовалась форма войск СС.

— Рановато вы, ребята, покурите пока, — поприветствовал механик.

Разведчики отошли от самолета и, расстелив плащ-палатки, расселись на аэродромных плитах. Лейтенант подпер кулаками подбородок и будто бы задремал. Петр и Роман о чем-то оживленно спорили. И лишь Сокол, не теряя времени даром, запустил руку за пазуху и достал бережно упакованный сверточек. Воровато осмотревшись и убедившись, что никто не обращает на него внимания, он улыбнулся и развернул его.

До разведчиков тут же донесся приятнейший аромат копченого сала и свежей зелени. Разложив содержимое свертка на коленях, снайпер втянул носом воздух, блаженно предвкушая приятную трапезу, и принялся сворачивать себе нехитрый бутерброд. Осмотрев свое получившееся кулинарное творение и положив сверху пучок укропа,

Сашок довольно облизнулся и уже хотел было откусить кусочек, но, поднеся бутерброд ко рту, заметил, как на него пристально смотрят восемь пар глаз. Даже дремавший Виноградов приоткрыл правый глаз и косился на покрасневшего Соколова. Снайпер замер с открытым ртом и виновато улыбнулся.

— Хотите, ребята? — спросил он и протянул сверток с угощением.

Сглотнув слюну, все дружно отказались. Прыгать с набитым брюхом было той еще дурной затеей, к тому же перелет предстоял долгий, а нужников в самолетах не предусмотрено. Но Сокола это, по всей видимости, совершенно не волновало: он никогда не упускал возможность набить себе утробу. Под довольное чавканье сидящего рядом друга задремал и Юра. Он оказался дома, в окружении своей семьи, за большим круглым столом. За окном виднелась до боли знакомая с детства улочка родного Кременчуга. На столе стояла его любимая запеченная в яблоках утка.

Счастливая мама пыталась подложить ему в тарелку еще одну утиную лапку. И хоть для него это было слишком много, он не мог отказать ей. Сестры, перебивая друг друга, заваливали младшего брата вопросами, разглядывая сверкающие значки на его форме. На его коленях лежала зеленая фуражка пограничника с начищенной до блеска красной звездой, а он с удовольствием рассказывал девочкам о том, как опасна и сложна была служба на границе.

Календарь, висящий над кухонным столом, за которым собралась вся его большая девичья семья, показывал месяц — октябрь 1941 года. Месяц и год, когда должна была закончиться его срочная служба в армии. Западная граница нашей советской Родины осталась далеко позади и больше никогда не увидит его, Юру, снова.

Не было ни учебки под Тирасполем, ни нарядов по кухне, ни тумбочки в роте, ни драки на кишиневской танцплощадке. Того боя на Пруте не было. Ранения не было. И не было никакой войны. И убивать ему не приходилось. Все это было лишь жутким кошмаром, который хочется выгнать из головы и больше никогда не вспоминать.

Но если все это было сном, то почему же он прячет под столом свои руки...

— Почему ты ничего не кушаешь, Юрочка? — взволнованно спрашивает мама.

— Я... — хотел было ответить Юра, но слова встали комом поперек горла, — я... не могу... мама, я...

Черная зловещая тень стояла за его спиной, положив свою костлявую руку на плечо, словно пытаясь утешить своего давнего друга. Никто из женщин не видел ее, но сам Юра всем телом ощутил ее присутствие. Прямо как в тот день, 23 июня 1941 года, когда она пыталась забрать его с собой, но не успела. День, который был всего лишь кошмаром. День, когда он впервые увидел жуткий оскал смерти. Он взглянул маме в глаза.

— Почему ты не кушаешь, Юра? — повторила она.

Он понял. Понял, что боится вынуть из-под стола свои руки, чтобы притронуться к любимому лакомству. Боится того, что мама увидит руки своего младшего ребенка. Увидит ту красную вязкую лужу, которая стекла с его рук под стол, пока он сидел с семьей, так и не решаясь взяться за угощение. Лужу крови десятков, а может, и сотен врагов, которых убил ее маленький Юра...

— Подъем, бойцы, построиться!

Голос командира вернул Лугового в реальность. Юрий открыл глаза и понял, что все еще находится на взлетно-посадочной полосе подмосковного аэродрома. На глаза невольно навернулись слезы; сон был таким реальным, что он был готов поверить в то, что его мама только что сидела прямо перед ним. Мама. Мамочка... Он ничего не знал о своей семье с самого начала войны. Как они сейчас? Где они сейчас? Успели ли эвакуироваться из Кременчуга... и живы ли? Эти вопросы мучили его каждый раз с самого первого дня войны, как только он закрывал глаза.

— Цели и задачи вы знаете, — начал инструктаж лейтенант, — найти объект и подтвердить его назначение. Времени нам выделено крайне мало, ребята, к исходу десятых суток мы должны прислать в «Центр» подтверждение. Высаживаемся в квадрате 17, через час все должны быть в точке сбора. Отставших не ждем. Даже если этим отставшим буду я. Наши новые позывные и радиочастоту все помнят?

— Так точно, — ответили разведчики.

— Повторите.

— Позывные группы: «Норд». Частота: 3.18.

— Хорошо, — кивнул Виноградов, — попрыгали.

Бойцы несколько раз подпрыгнули, проверяя, не звенит ли снаряжение. Все было в порядке. Командир взглянул на часы.

— Готовность пять минут, проверяем парашюты и грузимся на борт.

Разведчики и диверсанты. Эти люди всю войну находились лицом к лицу с врагом и со смертью. Их учили быть хитрыми, ловкими и невидимыми машинами для убийства. Но у машины нет сердца, она не чувствует боли и тягот, терзающих душу. А диверсант, как бы превосходно подготовлен он ни был, остается человеком, у которого есть сердце, чувства и душа. Им ведь очень часто приходилось врага не издалека стрелять, а резать ножами и душить руками. И сколько таких задушенных и зарезанных набралось у каждого из них за четыре года войны? Они никогда и никому не расскажут о своей боли. Они будут жить с ней и унесут ее с собой в могилу. И будет лучше, если вы никогда не узнаете о том, какие кошмары видели они каждую ночь, даже спустя десятки лет после того, как стихло эхо последнего выстрела Великой Отечественной войны.

Подлетая к намеченному месту высадки, Юра начал немного нервничать. Это был его первый боевой прыжок в глубоком тылу противника. Он попробовал присмотреться к лицам своих товарищей: они казались ему серыми, будто мертвыми во мраке фюзеляжа. Лишь Соколову было нипочем: он с интересом пялился в иллюминатор, наглаживая оптический прицел своей трофейной винтовки, которая лежала у него на коленях. Эта винтовка уже успела стать Александру родной. Она была с ним с самого первого дня войны.

В июне сорок первого, когда пограничная застава, на которой проходили службу Луговой и Соколов, была атакована превосходящими силами противника, Сашок получил осколочное ранение в ногу и не мог драться наравне со всеми. Тогда Сокол впервые взял в руки эту немецкую винтовку, которую пограничники сняли с одного из убитых румын, и показал всем, что стрелять Саня умеет не только папиросы. С этим оружием и раскрыл он весь свой снайперский талант, прикрывая бойцов при обороне государственной границы на реке Прут. В Сталинграде ему пришлось ненадолго расстаться со своей винтовкой, и Соколу выдали нашу «трехлинейку». Но после возвращения «Искры» из-за линии фронта снайпер настоял на том, чтобы ему вернули его трофейное оружие.

А там, внизу, сверкали сотни молний. Там, внизу, был фронт. Там, внизу, шел бой.

Юра еще раз осмотрел свое снаряжение и уставился вверх, на протянутый вдоль бортов самолета трос. Крепко ли зацеплен за него парашютный карабин? Вроде бы все в порядке. Лишь Николай оставался спокойным. Виноградов как будто бы даже спал: по крайней мере, глаза его были прикрыты.

Спустя еще час полета, когда Луговой опять успел задремать, в самолете завывла сирена, загорелся зеленый сигнал: «Всем встать!». Все поднялись и повернулись к люку. Вышел командир экипажа, открыл люк и, схватившись за борт, на секунду выглянул наружу.

— Темно — хоть глаз выколи!

— Замечательно, — ответил лейтенант.

— Ни пуха, ребята! — прокричал пилот.

— К черту, старлей.

Николай встал перед люком и подал команду разведчикам:

— Пошел, пошел, пошел!

Первым в ночную пустоту шагнул Васильев, следом Соколов, затем Луговой и Агафонов. Последним прыгать собирался Виноградов. Но когда он уперся в дверной проем самолета, уже собираясь делать шаг в темноту, у него вдруг отстегнулся ранец и вывалилась часть купола. Пилот попытался схватить его за руку и оттащить от люка, но лейтенант отмахнулся от него, быстро подобрал стропы и, подмигнув второму пилоту, выпрыгнул прочь из самолета.

— Стой! — только и успел крикнуть летун вслед диверсанту. — Расшибешься ведь...

Десантники говорят, что приятней этого резкого рывка, который сообщает парашютисту о том, что его парашют раскрылся, нет ничего. И сейчас Юра снова ощутил это на себе: приятное спокойствие растеклось по телу старшего сержанта, когда он взглянул вверх и увидел над головой раскрывшийся серый купол, который плавно опускал его на землю. Под ногами было темно. Он боялся прыгать ночью и надеялся хотя бы на то, что лунный свет будет освещать его путь. Но луна, как назло, скрылась в густых дождевых тучах, идущих с северо-запада.

«А и черт с ним, главное — парашют раскрылся, а там уже ничего не страшно», — подумал Юра.

Земля приближается всё стремительней. Резкий толчок, пережат и покалывание в стопах. Не совсем мягкое приземление; видел бы это майор Леонов — как пить дать, скосил бы недовольную физиономию и пробурчал: «Неудовлетворительно, боец, ты не на бабу с разбегу плюхаешься, а на родную землю приземляешься!». Ну да ладно, майора тут нет, зато есть совсем недружественный лес, в котором неизвестно кого можно встретить.

Он приземлился. Быстро отстегнул парашют, выхватил «МР-40», пристегнул магазин и прислушался. Вокруг было тихо. Лишь ветер гоняет шелестящие кроны высоких сосен. Подождав пару минут и пристально вслушиваясь в ночные звуки леса, диверсант принялся быстро сворачивать парашют.

«Теперь спрятать», — мысленно подсказывал себе Юра.

Он выкопал саперной лопаткой небольшую ямку и скинул туда свой парашют, забросав его сверху палой листвой. Если не всматриваться — не найдешь. Осталось отойти от места приземления и затаиться: возможно, противник заметил места выброски диверсантов и уже спешит им на перехват. Снова осмотревшись и не заметив никаких признаков опасности, боец достал карту и попытался прикинуть, как далеко он находится от точки сбора.

— Так, сейчас посмотрим, — прошептал разведчик, полез в карман своего эсэсовского кителя, нащупал небольшой круглый футляр и раскрыл его. — Твою ж мать...

Компас оказался разбит; наверное, раздавил его при приземлении. Ладно, не беда. Десантник снял свой вещмешок, раскрыл его, достал флягу с водой и коробку с иглами, разложил всё на траву перед собой. Далее он сорвал с дерева самый большой лист, который только сумел разглядеть, и положил его тут же.

— Теперь немного потереть.

Достал из коробочки среднюю иглу и начал с силой натирать её о рукав маскировочной куртки. Спустя минуту такого трения он зажал иглу зубами, отвинтил крышку с фляги, налил немного воды на листок и опустил в него натертую иглу.

— Ну, давай, покажи мне путь.

Он вытащил фонарь, опустил зеленое стекло и осветил свой импровизированный компас. Кончик иглы, немного поколебавшись в воде, наконец замер, указывая бойцу на север.

— Отлично, — улыбнулся Луговой и спрятал иглу обратно.

Сложив всё свое добро обратно, он взял листочек, в котором всё еще оставалось несколько капель воды, и вылил их себе на лоб, растерев ладонью. Разложив складной приклад немецкого автомата и выставив его перед собой, сержант отправился дальше в указанном направлении.

Но вскоре его снова ждал неприятный сюрприз. Продолжая двигаться вперед, он никак не мог понять, где находится. Снова раскрыл карту и, почесав затылок, стал пристально вглядываться в нее. Вдруг за его спиной послышался шорох. Юра спрятал карту под камуфляжную накидку, упал на землю и прицелился на звук.

— Стой! Кто идет?

— Юрка, ты?! — раздался из темноты знакомый голос.

— Я, Сашок!

Из-за деревьев показался Сокол, а сразу за ним вышел Роман.

— Ну, слава богу, — обрадовался Васильев, — куда Петьку и командира отнесло, видел?

— Нет.

— Вот черт, — сплюнул снайпер, — я не могу понять, где мы.

— Я тоже, — ответил Юра.

— Что делать будем?

— Пока не рассвело, предлагаю продвигаться по цепочке дальше и по пути попытаться найти их; может, им помощь нужна.

— Не имею возражений, — кивнул снайпер и первым двинулся вперед.

Группа выдвинулась в намеченном направлении. Шли быстро, но аккуратно, внимательно вслушиваясь в лес и реагируя на каждый шорох. Лес мог скрыть тебя от посторонних глаз либо помочь найти того, кто не хотел бы, чтобы его нашли. Нужно было лишь уметь разговаривать с ним и понимать его. Но главное правило перемещения в густом лесном массиве на территории противника было до боли простое – лес шума не любит. Виноградов и Петр могли быть где-то рядом, возможно, раненые, могли удариться головой и потерять сознание во время приземления. Когда уже рассвело, разведчики, так и не найдя своих пропавших товарищей, ускорили шаг. Медлить было нельзя: если немцы засекли круживший ночью над лесом советский самолет, то район уже мог быть полностью оцеплен.

К 11 часам пополудни вышли на небольшую просеку и затаились. Все вокруг было тихо, погони за диверсантами не было. Луговой надеялся, что отставшие от них лейтенант и Агафонов найдутся по дороге, но, пройдя по лесу более десятка километров, пропавшие разведчики так и не обнаружили.

— Я вернусь по нашим следам на полтора-два километра, — сказал Соколов, — хочу убедиться, что «хвоста» за нами нет.

— Добро, — кивнул Юра, — аккуратнее там, если что — сразу назад, в бой не вступай.

— Понял.

Снайпер подтянул свои ремни, попрыгал на месте, проверяя, ничего ли на нем не бряцает, и скрылся в зарослях.

— Отдохни, Романыч, я первый покараулю.

Васильев снял с головы шлем и начал разминать затекшую шею.

— Хорошо, — согласился Роман, — я уже с ног валюсь.

Он лег на прохладную землю и, подложив под голову вещмешок, провалился в забытие. Близилось время связи с «Центром», а радист и командир группы так и не объявились.

Меткость в снайперском деле — еще не залог того, что сумеешь остаться в живых на территории противника. Бесшумное, быстрое и осторожное перемещение снайпера — это 90% успешного выполнения задания. Чтобы победить хитрого, опасного и прекрасно обученного врага, нужно было знать и уметь применять множество мелких хитростей, которые помогали перемещаться по вражескому лесу как можно более бесшумно и незаметно. Для того чтобы отточить эти навыки перемещения, снайперы тренировались, передвигаясь по лесу с завязанными глазами, аккуратно прощупывая землю перед собой носком сапога. Запрещалось наступать на пни и валежник, передвигаться необходимо, пригнувшись — так лучше видно, куда ступаешь. В сыром лесу звук распространяется быстрее, а в сухую погоду быстро «гаснет».

Возвращаясь по следам разведчиков, Сокол часто останавливался и вслушивался в шум утреннего леса. До его слуха доносились обычные звуки: шелест гоняемой ветром листвы, карканье ворон, сидевших на кронах деревьев, даже откуда-то издалека было слышно хрюканье кабаньего выводка. Эти животные, хоть и слепые, но слышат и чувствуют лучше любой собаки. Снайпер шел с подветренной стороны, поэтому выводок его не замечал. Спокойно себя ведут, не суетятся. Если бы в том направлении, откуда дул ветер, кто-то был — кабаны бы за километр его учуяли и ушли. Значит, там чисто, но проверить не помешает. Александр присмотрел удобное место под поваленным деревом, заполз под него и взглянул в оптический прицел своей винтовки, выискивая выводок.

— Так, ребятки, — прошептал снайпер, — где же вы...

Первой всегда идет свинья, за ней следует выводок, а последним всегда идет кабан. Сокол водил прицелом в том направлении, откуда доносилось хрюканье. Вот он заметил шевеление в кустах, а через секунду из них показалась огромная клыкастая морда и через миг снова скрылась из глаз снайпера.

— Ага, а вот и вы.

Он увидел в прицел и выводок — четыре поросенка находились рядом с самцом.

— Ну, кушайте, ребятки, кушайте, не буду вас тревожить.

Соколов уже собирался выбраться из своего укрытия и продолжить движение по следам группы, как вдруг заметил нечто, что успело напугать его. Свинья, еще секунду назад спокойно щипавшая сосновую веточку, вдруг обернулась и уставилась точно в то место, где сейчас лежал Александр. Снайпер оторвался от оптики и взглянул на свинью поверх прицела. Ему не показалось: животное смотрело точно на Сокола.

«Она не может меня видеть», — мелькнула тревожная мысль.

Он взглянул на покачивающуюся верхушку сосны, под которой стояли животные, и увидел, что дерево стало покачиваться в обратном направлении.

«Ветер переменялся... она не видит меня... она меня чувствует... меня... или того, кто сейчас находится у меня за спиной...» — снова пробежала пугающая догадка.

И словно в подтверждение этой догадки, в двух шагах от лежки Соколова с треском хрустнула ветка под чьим-то тяжелым сапогом. Он закрыл глаза, осознавая, что, засмотревшись на кабанов, проморгал подкравшегося к нему врага. Положение у него сейчас было совсем невыгодное, чтобы обороняться. Ему остается лишь попытаться предупредить своих товарищей, оставшихся на привале.

Сокол медленно передернул затвор и открыл глаза.

— Ну, не поминайте лихом, братцы, — прошептал он.

Сделав глубокий вдох и медленно выдохнув, Александр резко перекатился на спину и нацелился на звук хрустнувшей ветки, готовый в любую секунду выстрелить...

— Неудовлетворительно, товарищ снайпер!

Перед ним, опираясь на палку, стоял лейтенант Виноградов, которого поддерживал под руку сержант Агафонов. Александр не смог сдержать улыбки, все еще переводя дыхание от пережитого стресса. У него даже душа в пятки успела уйти, чего уж там греха таить. Командир был ранен и припадал на правую ногу. И судя по красному от натуги лицу радиста, он тащил лейтенанта уже довольно долго.

— Да я же вам чуть пулю в башку не всадил, — выдохнул Сокол и поднялся с земли.

— Ну, слава богу, живы!

— Живы пока, — кивнул Николай. — Где остальные?

— На привале ждут, — ответил довольный снайпер. — Вы меня до усрачки напугали!

Виноградов выдохнул:

— Ну, зато запор тебе не грозит. Забери у Петьки рацию и веди к нашим, хвоста за нами нет.

— Понял, — Соколов забрал тяжелый вещмешок у Агафонова и повесил его себе за спину. — Что с ногой?

Николай сплюнул под ноги и, потеряв ушибленную ногу, ответил:

— Приземлился неудачно.

Бегло осмотревшись по сторонам и убедившись, что разведчиками никого нет, снайпер пошел вслед за лейтенантом и Петром, и спустя час группа, наконец, успешно воссоединилась. Юрий и Роман были рады увидеть ребят целыми и невредимыми. Можно было немного отдышаться и перевести дух. Но оставалась одна серьезная проблема: группа все еще не могла определить свое местоположение.

— Тут-то как раз все понятно, — сказал лейтенант. — Нас выбросили южнее намеченной точки километров на тридцать, а то и больше.

— Южнее... — Юрий склонился над картой. — Значит, мы должны быть примерно вот здесь, — он указал на квадрат.

Виноградов взглянул на карту и кивнул:

— Совершенно верно, — подтвердил он.

— Что будем делать? С вашей ногой мы туда долго плестись будем, — спросил Васильев.

— Для начала нужно осмотреться и понять, что тут вообще происходит в округе, — Виноградов снова взглянул на карту. — Вот тут обозначена деревня, надо бы наведаться и аккуратно все разузнать.

— Контакт с местными разрешен? — спросил Агафонов.

— Вообще-то нет, — ответил командир и почесал затылок. — Но надо же как-то выпутываться.

Поразмыслив о том, в какую ситуацию они угодили и наконец определившись, куда их занесло, разведчики после непродолжительного отдыха направились к близлежащему населенному пункту, отмеченному на карте.

Когда вдалеке замаячили крыши деревянных изб, группа залегла. На разведку отправился Васильев. Не было его около часа, а когда Роман вернулся, на нем совершенно не было лица. Боец сообщил, что деревня оказалась мертвой — в прямом и переносном смысле этого слова. Просидев на опушке леса и не рассмотрев в бинокль ни единой живой души, Роман решил отправиться туда. Село встретило его полнейшей тишиной и пустыми глазницами выбитых окон.

Пройдя чуть дальше, Васильев обнаружил следы жестокой расправы над жителями. На главной улице в земле лежали десятки винтовочных гильз, повсюду была разбросана одежда и личные вещи. Стены одних изб буквально изрешетили пулеметными очередями, а от других осталось одно пепелище. Разведчик прошел к центру села и увидел ужасающую картину. На воротах одного из дворов висели два трупа, и, судя по степени разложения, висели они тут уже не одну неделю.

— Мужчина и женщина, — хлебая воду из фляги, говорил Роман, — покачиваются на ветру... У женщины коса такая, знаете, русая, густая и такая длинная, прям как у живой...

— Ты пей-пей, не спеши, — приговаривал Виноградов.

— А на груди у обоих таблички висят: «Я помогал лесным бандитам».

Разведчики переглянулись и снова уставились на взволнованного Васильева. Роман был опытным разведчиком, повидавшим всякое и успевшим хлебнуть лиха, но то, что он увидел в мертвом селе, повергло его в настоящий шок. Ребятам никогда еще не доводилось видеть своего боевого товарища в таком эмоциональном состоянии. Но висевшие на воротах тела были еще не самым шокирующим, что он увидел там. Пройдя до самого конца деревни, на окраине, диверсант обнаружил большое пепелище, которое раньше, скорее всего, служило деревенским амбаром.

— У меня до сих пор эта картина перед глазами, ребята... из-под обугленных руин... там... там... ладошка торчала, понимаете... детская маленькая ладошка, — Роман вытянул левую ладонь и растопырил пальцы, — вот так...

Он закурил и уставился на Виноградова. Николай опустил глаза и ненадолго ушел в себя. Потом полез в планшет, достал карту и сделал на ней пометку карандашом.

— Они за всё поплатятся, — спустя долгие минуты молчания сказал командир.

Остаться тут дальше не было никакого смысла, и группа направилась к следующему селу. Скрываясь в тени деревьев и двигаясь вдоль проселочной дороги, спустя полтора часа, преодолев около восьми километров, они вышли к следующему населенному пункту.

— До Печор еще топать и топать, — сказал Николай, убирая карту обратно в планшет.

— Как нога, командир? — спросил Юрий.

Лейтенант скривился и потер голень:

— Болит, собака, спасу нет.

— Хорошо хоть не сломал.

— Это верно, — Николай нервно сплюнул, — чувствую себя беспомощным, как младенец, толку от меня мало, и меня это жутко бесит!

До следующей деревни добрались, когда над лесами уже стали сгущаться сумерки. Внимательно рассмотрев село в бинокль и поняв, что оно не было уничтожено, как то, где они были днем, — спокойно выдохнули. В окнах горел тусклый свет, во дворах находились люди. В разведку снова вызвался идти Васильев, но в этот раз с ним решил пойти и Юрий.

— Уверен, Рома? — спросил Луговой у еще не отошедшего от стресса товарища. — Я бы и сам справился.

— Все нормально, — отмахнулся Роман. — Пошли.

Оставив лейтенанта и остальных наблюдать издали, двое диверсантов направились в деревню. Когда они подошли к первым двум домам, до их ушей донесся веселый хохот.

— Что там происходит? — прошептал удивленный Юра.

Васильев лишь пожал плечами. Они ускорили шаг, желая рассмотреть все поближе. Вдруг в одной из изб снова раздался смех, и через несколько секунд послышались фальшивые звуки гармошки.

— Ты слышишь?

Роман остановился и прислушался:

— На гармошке играют!

Диверсанты осмотрелись по сторонам и, убедившись, что их никто не видит, перемахнули через невысокий плетеный забор и прошмыгнули во двор.

— Вроде отсюда балаган, — прошептал Луговой, указывая на избу.

Бойцы подобрались к окну, прикрытому прозрачной занавеской, и заглянули внутрь. А там был пир на весь мир. В доме собралось, наверное, человек с десять. Семеро полупьяных полицаев, один из которых, кое-как попадая по клавишам, играл на стареньком аккордеоне, и несколько местных женщин. По их угрюмым лицам было заметно, что они совершенно не были рады этому празднику, в отличие от самих полицаев. Один из предателей с довольной ухмылкой потянулся к наполовину початой бутылки с мутной жидкостью и налил ее в два стакана до краев. На его коленях сидела совсем молоденькая девчушка, которой на вид было не больше семнадцати лет, и отрешенно наблюдала за действиями полицая. Он придвинул к ней один стакан и, довольно крикнув, опустошил второй.

Юрий отчетливо видел в окно, как бегают вверх-вниз кадык полицая, жадно глотающего пойло, и испуганное лицо девушки, которую тот прижимал. На Юру накатило дикое желание ворваться в дом и перестрелять мразей к чертовой матери. Он оглянулся на товарища и увидел перекошенное от злости лицо Васильева. Разведчик от злости сжимал кулаки так, что было слышно, как хрустят его суставы, и Луговой понял, что в этот момент Роман думал о том же.

— Ну що ти як не рідна, Светка?

Полицай вытер рот рукавом и, оскалившись своими желтыми зубами, прижал к себе девушку еще крепче.

— Невже то не помічаєш, як горить душа моя по тобі?

Она отвернулась от него, пряча глаза подальше, но это лишь еще сильнее раззадоривало его.

— Ти баба видна, а я при хорошій посаді. Ти ж зі мною будеш як сир в маслі кататися!

Он потянулся губами к ее шее и хотел поцеловать, но девушка ударила его по щеке, оттолкнула предателя и вырвалась из его цепких рук. Звуки аккордеона тут же стихли. Остальные полицейские с интересом уставились на происходящее, предвкушая веселое зрелище.

— Ось воно як! — натирая ушибленную щеку, расплылся полицай в широченной улыбке.

Он схватил бутылку, сделал три больших глотка и бухнул ее обратно на стол.

— А так навіть краще, люблю, коли баба пручається.

Девушка, осознав, что сейчас над ней будут жестоко издеваться, начала медленно отступать к двери. А полицай, вальяжно встав со стула, расстегнул портупею, на которой висела кобура, и, положив ее на табурет, с предвкушением потер ладони.

— Не трогай меня! — взвизгнула она и бросилась к входной двери.

Полицай, еле стоявшие на ногах от выпитого алкоголя, вскочили и попытались схватить ее, но Светкин «воздыхатель» остановил их.

— Сидите, хлопці, ми самі впораємося! — махнул он рукой и рассмеялся.

— Ну ты это... — смеялся шатающийся аккордеонист, — кричи там, если помощь будет нужна!

Дом разразился дружным гоготанием. Не теряя драгоценного времени, девушка вылетела из дома и, подгоняемая ужасом, бросилась бежать. Не в силах больше спокойно наблюдать за происходящим, диверсанты решили действовать. Когда весело гогочущий полицай выбежал следом за беглянкой, притаившийся за крыльцом Юра схватил его и со всей дури впечатал колено ему под дых. Успев только охнуть, предатель шумно свалился с крыльца, после чего подбежавший Роман добавил ему автоматом по затылку.

— Готов! — злобно прошипел Васильев. — Вяжем гада и ходу отсюда, пока остальные не набежали.

Юрий снова подбежал к окну и убедился, что их небольшая потасовка осталась незамеченной. Связав полицая ремнями и затолкав в рот кусок старой тряпки, диверсанты подхватили его и скрылись в ночи.

— Тяжелый же гад, — процедил сквозь зубы Луговой, неся на себе бесчувственного «языка».

— Лейтенант не обрадуется, — заметил Роман.

— На месте разберемся, — ответил Юра.

Как и ожидали разведчики, теплого приема Виноградов им не выказал. Заметив, что ребята тащат на горбу увесистого борова в черной полицейской форме, командир разразился нравоучительными лекциями.

— Был приказ брать «языка»?!

Юрий и Роман переглянулись и виновато опустили головы.

— Что молчите, — не унимался Николай, — был или нет?

— Никак нет, товарищ лейтенант, — ответил Луговой.

— Так какого же хрена вы это говно сюда приволокли?!

Лейтенант наклонился к находившемуся в отключке полицая и треснул его по щеке. Что-то нечленораздельно пробурчав в ответ, предатель мотнул головой и снова затих.

— Здорово вы его огрели, после такого он не скоро заговорит.

— Разрешите привести его в чувство, — воскликнул Юра и, не дожидаясь ответа командира, подошел к полицая и что есть мочи саданул его носком сапога в голень.

От такого «гвоздя» пьяный боров быстро пришел в себя и, выпучив глаза, с ужасом уставился на окруживших его диверсантов.

— Жить хочешь? — над ним склонился Николай.

Враг интенсивно закивал головой в ответ.

— Хорошо, — кивнул лейтенант, — сейчас я вытащу кляп у тебя изо рта, и ты спокойно ответишь на все мои вопросы...

Полицай снова закивал.

— ...а если пикнешь не по делу — на ремни порежу, уразумел?

— Угу! Угу! — промычал предатель.

Виноградов взялся за тряпку и выдернул ее изо рта полицая. Он очень хотел жить и рассказал диверсантам многое. Теперь «Норду» было известно, где и в каком количестве были расквартированы оккупанты и где располагаются посты на дорогах. Теперь обходить их и оставаться незамеченными будет легче. Но главного, что интересовало разведчиков, «язык» не знал. Он сказал, что никогда не слышал, что где-то в этих местах располагается немецкая разведшкола. Но одна зацепка все-таки нашлась.

— А от щодо Печор слух один ходив. Я то сам не бував там ніколи, а ось хлопці розповідають, що німці там кордони набудували — не пройти, не проповзти.

— Кордоны, говоришь, — почесал затылок Виноградов, — что же они там охраняют?

— Ось те-то і воно, що нічого там охороняти, ліс один та голодні вовки в окрузі.

— На карте можешь показать, где начинается охранный периметр?

— Та не, я ж в картах нічого не розумію. Так провести і показати зможу.

Полицай замолчал и испуганно уставился на Николая. Лейтенант недоверчиво покосился на него и, закрыв карту, убрал ее обратно в планшет.

— Как звать тебя?

— Так Олесем матінка нарекла.

— Ладно, Олесь, я тебе поверю, но не дай боже, если ты мне набрехал, пеняй потом на себя.

Виноградов достал флягу с водой и напоил побледневшего Олесь. Оставив рядом с ним Романа, Николай встал, отошел в сторонку и подозвал к себе Юрия.

— Ну что думаешь? — закуривая папиросу, спросил командир.

Луговой покосился на поникшего Олесь.

— Да брешет он, что ничего не понимает в картах, — ответил сержант, — время тянет, жизнь выторговывает.

Виноградов одобрительно кивнул и выпустил струю дыма.

— Согласен, но хоть проводника нашли, пусть показывает, а дальше разберемся с ним.

...

Болотный массив остался далеко позади. В сапогах перестало хлюпать, и это не могло не доставлять радости уставшей группе лейтенанта Виноградова. Разведчики залегли на опушке и наблюдали в бинокль за бараками, обнесенными колючей проволокой, и бегающими курсантами в майках, брюках и сапогах. До укрывшихся диверсантов доносились окрики на немецком языке вперемешку с русским матом. Схваченный полицай не соврал и действительно вывел «Норд» к хорошо охраняемому периметру, окружавшему «Особую часть СС». Когда вдалеке показался патруль, Олесь попытался вырваться и бросился немцам навстречу, но бдительный Роман успел метнуть в него финку и прекратить страдания предателя.

Луговой с отвращением косился на рукава своей формы мышиного цвета. Немецкий шлем был непривычен и постоянно опускался ему на глаза. В конце концов разведчик не

выдержал и снял его, надев на голову пилотку. Лейтенант, заметив нервную возню Юры, усмехнулся. Да уж, парень точно не мог себе и представить, что сам окажется в этом облачении.

Осмотрев школу со всех сторон и отметив, что охранялась она весьма прилично, разведчики отступили обратно в лес и связались с «Центром», доложив, что искомый объект обнаружен. «Норд» получил приказ — проникнуть на территорию «Особой части», выкрасть архив и, по возможности, захватить «языка». «Центр» обещал помощь партизанской бригады, действовавшей в этом районе, но помощь как раз нужна была самим лесным воинам. Немцы развернули карательную операцию против партизан и выдавливали их из лесов; группа Виноградова осталась без поддержки и вынуждена была самостоятельно приступить к выполнению задания, рискуя попасть под дружественный огонь из-за своей немецкой маскировки. Но как бы то ни было, диверсантам удалось пробраться незамеченными между немецкими частями с одной стороны, партизанами — с другой и наконец выйти к нужному месту.

«Waffenschule», более известная как «Особая часть СС», подчинялась отделу «А» штаба «Русланд-Норд» и отвечала за подготовку террористов и агентов-одиночек из числа бывших военнопленных. Группе предстояло незаметно проникнуть на строго охраняемый объект, выкрасть архив и захватить кого-то из офицеров, но как это сделать? Пятерым против нескольких сотен хорошо вооруженных врагов. Времени у диверсантов оставалось очень мало: через двое суток группа Виноградова с грузом уже должна была выйти к резервному партизанскому аэродрому, спрятанному глубоко в псковских лесах, где бойцов ожидал самолет. После долгих блужданий по лесам и нескольких ночей без сна вымотанные разведчики валились с ног.

— Передохнем немного и обмозгуем, как пролезть туда, — распорядился Виноградов, устраивая группу на дневку.

— Есть одна мысль, командир, — улыбнувшись, сказал Сокол и покосился на больную ногу Николая, — и ваш недуг будет нам как раз на руку, но нужно будет кое-что подправить.

— Интересно, — лейтенант вскинул брови, — ну, излагай.

Он знал, что идеи Александра никогда не отличались простотой и банальностью, но, как правило, всегда приносили свои положительные плоды.

...

— Раз! Раз! Раз, два, три! — надрывая голос, считал инструктор. —левой!левой! Раз, два, три!

Курсанты маршировали, старательно чеканя шаг. Эсэсовец, медленно прохаживающийся по КПП, перевесил автомат на другое плечо и достал из нагрудного кармана пачку сигарет. Прикурил и, выпустив дым, взглянул в сторону леса. Погода сегодня была просто отличной, небо наконец прояснилось, и солдат наслаждался солнцем. Что может испортить такое ясное и замечательное утро?

— Эй, Ганс! — к солдату подошел второй караульный. — Дай закурить, пожалуйста.

— Держи, — Ганс вытащил сигарету и передал ее товарищу, — хороший сегодня денек, да?

— Хороший, — кивнул эсэсовец, — надоели уже эти дожди.

— А ты чего такой мрачный? — заметив хмурое лицо товарища, спросил Ганс, — случилось чего?

— Лизи письмо прислала. — Эсэсовец вытащил из кармана сложенный конверт. — Старшего брата сбили где-то в Ливии, числится пропавшим без вести.

— О, мой бог! — Ганс сочувственно опустил глаза. — Может, еще найдется, не теряй надежды.

Немец кивнул и взглянул на кромку леса.

Вдруг с той стороны показалось движение. Эсэсовец выплюнул недокуренную сигарету, присел на колени и нацелился на незнакомцев, Ганс поспешил последовать его примеру.

— Achtung!

Немцы насторожились и взяли на прицел людей, вышедших из леса. К ним приближались двое немецких солдат, один из них шел, придерживая под руку второго, который хромал и еле переставлял ноги.

— Стоять! – закричал Рудольф. – Кто такие?!

— Начальника караула сюда, срочно! – закричал тот, который нес раненого.

Караульные переглянулись и снова уставились на пришельцев, которые продолжали медленно подходить к КПП.

— Стоять! Иначе откроем огонь на поражение! – снова закричал Ганс.

Пришельцы остановились почти у самого КПП.

— Я лейтенант Конрад Хопп, а это фельдфебель Рихард Юрген, 442-й пехотный полк, – прохрипел раненый, – мой взвод попал в засаду!

— Рудольф, беги за гауптштурмфюрером! – обратился Ганс к товарищу.

Солдат кивнул и побежал прочь с КПП в направлении дальнего барака.

— Дай мне хоть посадить его! – попросил солдат, который нес раненого офицера.

— Запрещено! – ответил Ганс. – Стоять на месте, иначе открою огонь!

— Все нормально, Юрген, – прохрипел раненый, – я постою.

До ушей эсэсовца не донеслось еще слышное ругательство, высказанное солдатом, державшим раненого офицера.

— «Сука».

Через несколько минут вернулся Рудольф, а вместе с ним пришел офицер и внимательно уставился на пришельцев.

— Кто такие?!

Человек, висевший на плече у солдата, попытался выпрямиться и представился.

— Лейтенант Конрад Хопп и фельдфебель Рихард Юрген. Мы из 442-го пехотного полка особого назначения, выполняли задание по ликвидации партизанских бригад в лесах. Два дня назад попали в засаду и были схвачены партизанами, бежали из плена, заплутали, и совершенно не знаем, где сейчас находимся.

— Ваши документы, лейтенант!

— Документов нет, господин гауптштурмфюрер, — вздохнул раненый, — партизаны отобрали.

— Где произошло нападение? — спросил офицер.

— Примерно в пятнадцати километрах к югу отсюда.

Эсэсовец смерил пришельцев недобрым взглядом. Слишком это все подозрительно: партизаны в эти края никогда раньше не забредали. К тому же как эти двое прошли через охраненный периметр незамеченными?

— Ну что ж, будем проверять ваши слова. Сейчас вас возьмут под охрану, а позже вы расскажете все в подробностях, — распорядился офицер. — Пока мы устанавливаем ваши личности, вы находитесь под арестом.

— Нам бы поесть чего-нибудь, господин гауптштурмфюрер, — перевел тему «Конрад», — и, если можно, в лазарет зайти: меня пытали, все бока болят.

— Хорошо, — кивнул эсэсовец, — я дам соответствующие распоряжения, и вас проводят в лазарет.

— Спасибо!

— Пропустить их! — крикнул офицер караульным, посмотрел в ту сторону, откуда вышли диверсанты, — и усилить охрану!

Их завели в отдельный барак и поставили у дверей охрану. Через полчаса пленникам принесли поесть: две миски горячей каши с мясом, половина буханки белого хлеба и горячий кофе. Угощение оказалось вкусным, а вот кофе Васильеву не понравилось — слишком уж он

был горьким. Еще через час в барак зашел лейтенант медицинской службы; поверх формы СС был накинута белый халат, в руках — небольшой чемоданчик.

— Добрый день, ну, рассказывайте, что тут у нас, — поприветствовал врач и уставился изучающим взглядом на «пострадавших».

— Здравствуйте, доктор, намяли мне бока партизаны проклятые, — «Конрад» попытался перевернуться и скривился от боли.

— Лежите, лежите, лейтенант.

Врач подошел к Виноградову, присел на край койки, открыл чемоданчик и принялся осматривать больного:

— Партизаны — настоящая головная боль, наконец ими занялись основательно, теперь бандитам никуда не скрыться.

— Да уж, надеюсь, наши парни из 442-го им хорошенько всыпали за нас, — ответил диверсант.

После осмотра врач встал, закрыл чемоданчик и обратился к Николаю:

— Ничего серьезного, — констатировал немец, — ушибы, гематомы и ссадины, сотрясений нет, переломов нет, внутренние органы не повреждены. Пару дней постельного режима и хорошей еды быстро поставят вас на ноги.

— Спасибо, доктор, — поблагодарил лейтенант.

Врач попрощался и поспешил покинуть барак, Николай проводил его взглядом и встал с кровати.

— Сокол, сволота херова, — болезненно пощупав ушибленные ребра, прошипел Николай, — отдубасили вы меня прям как неродного... в следующий раз сам под побои пойдет, его была идея, между прочим!

— Ну, прости, командир, — Роман виновато пожал плечами, — зато фрицы поверили про пытки.

— Ага, только недалеко продвинулись, дальше-то что делать будем?

Николай аккуратно выглянул в окно барака.

— Нас тут заперли, оружия нет, дверь под прицелом.

— Оружие есть!

Роман потянулся к сапогу и достал из него нож.

— Негусто, — командир покосился на нож и отвел взгляд.

— У нас мало времени, скоро они поймут, что мы не те, за кого себя выдаем, — забеспокоился Роман.

— Теперь дело за Юрой.

Виноградов тяжело вздохнул и снова взглянул в окно. Мимо прошагал строй курсантов, абвершталле готовилась к ужину.

Перед тем как лейтенант и Васильев отправились к контрольно-пропускному пункту разведшколы, Соколов обнаружил в лесу телефонный кабель и перерезал его. Через несколько минут с территории объекта выехал мотоцикл с двумя связистами, которые искали обрыв. Диверсанты схватили эсэсовцев и как следует допросили их, узнав, что к вечеру начальник школы должен был отбыть на аэродром, а оттуда — в Берлин. Времени оставалось в обрез, нужно было успеть проверить все до того, как немцы хватятся пропавших связистов.

Когда солнце почти скрылось за небосводом, диверсанты увидели свет автомобильных фар. Эта автомашина, вероятно, и должна была забрать Вебера. Уже полтора часа командир и Роман находились внутри вражеского объекта, и неизвестно, что с ними делали немцы. Все-таки с СД шутить было чревато очень опасными последствиями, но другого выхода у группы не было. Это был отличный шанс захватить «языка», да не кого-то, а самого начальника школы. Дерзкий план, но другого не было.

Водитель не спеша выруливал с лесной дороги, как вдруг раздался оглушительный хлопок, а следом — свистящий звук спускающегося колеса. Солдат остановил автомобиль и выбрался наружу взглянуть, что же случилось.

— Verdammt! — выругался водитель, увидев причину своей вынужденной остановки.

Колесо оказалось пробито. Теперь полчаса уйдет на то, чтобы его заменить. Немец, почесав затылок, полез доставать запаску. В этот момент к нему подкрался Луговой, схватил водителя и свернул ему шею. Как только тело врага обмякло, Юра потащил его в лес, а Агафонов бросился менять пробитое колесо. Сокол тем временем прикрывал бойцов. Через пятнадцать минут колесо встало на свое место, а Юрий, переодевшись в форму водителя, уже забирался в машину.

— Как только они подойдут к моей двери и заговорят — начинайте шуметь! — сказал Луговой снайперу. — Вот зараза, гимнастерка его мне маловата... — Сделаем. Ни пуха, Юрка! — кивнул Сокол, и бойцы скрылись в лесу.

Сержант запустил двигатель и не спеша двинулся в сторону ворот КПП. Стоявший на посту солдат, увидев знакомую машину, лениво поднял руку, и Юрий начал медленно притормаживать. Когда автомобиль остановился, Ганс двинулся к машине. Юрий опустил стекло и улыбнулся эсэсовцу.

— Papiere bitte.

— Я-я, — кивнул диверсант и полез в нагрудный карман.

В этот момент из леса прозвучал выстрел, немец дернулся и повалился на бок. Второй солдат тут же нырнул под прикрытие караульной будки и открыл беспорядочный огонь в ту сторону, откуда донесся выстрел. Луговой пригнулся. По автомобилю загрохотали автоматные очереди, прилетевшие из леса.

— Маш ауф! — закричал диверсант.

Солдат испуганно взглянул на Лугового и, переведя дыхание, быстро выбежал из своего укрытия, поднял шлагбаум и тут же свалился замертво. Не теряя драгоценного времени, боец заехал внутрь и направил машину к самому высокому зданию, украшенному флагами Третьего рейха. Школа пришла в движение, завывла сирена. Солдаты и курсанты, похватав оружие, выбежали из бараков и помчались к воротам, а Юра все ближе подъезжал к главному корпусу школы.

Подъехав к крыльцу, развернув автомобиль и посигналив дважды, Луговой схватил автомат, выскочил из машины и побежал под прикрытие кирпичной стены. В этот момент, услышав сигнал, Виноградов и Васильев заманили охранника внутрь спального помещения. Пока лейтенант изображал конвульсии, Роман встал у стены так, чтобы открывшаяся дверь скрыла его от глаз эсэсовца, и, когда тот вошел внутрь, диверсант схватил солдата за каску, резко потянул голову нациста на себя и дважды ударил ножом в область сердца. Второй охранник услышал возню за стеной, вскинул автомат и насторожился.

— Friedrich? Was ist passiert? — спросил эсэсовец, но ответа не последовало.

— Friedrich?!

В ответ снова тишина. Немец дернул затвор автомата и аккуратно начал подходить к спальному расположению, дверь в которое оставалась открытой.

— Herr Leutnant?!

Солдат подошел к двери и аккуратно заглянул внутрь. В следующую секунду в дверном проеме возник Виноградов, схватил охранника за автомат, уводя дуло в сторону от себя, и ударил даже не успевшего удивиться эсэсовца ножом в область печени. Солдат охнул, отпрянул к стене и медленно сполз на пол.

— Я здесь, родной.

Лейтенант вытер лезвие ножа об окровавленный китель охранника. Диверсанты забрали оружие и выбрались из барака. В наступившей суматохе никто не обращал на них внимания. Где-то на КПП шла беспорядочная стрельба, выла сирена.

— Рома, на, тебе архив, я за «языком»! — закричал лейтенант и побежал за общей людской массой в сторону штабного корпуса.

Васильев кивнул и побежал вслед за командиром.

В штабе также началась суматоха. Офицеры бегали и раздавали указания солдатам, кто-то нервно орал в телефонную трубку. Виноградов забежал в здание, бегло осмотрелся и бросился на второй этаж, Васильев — за ним. На втором этаже лейтенант столкнулся лоб в лоб с начальником караула, который сквозь вой сирены пытался докричаться до кого-то на другом конце телефонного провода. Увидев перед собой «Конрада», который должен был находиться под охраной, эсэсовец на секунду замешкался, и этой секунды оказалось достаточно, чтобы прервать его изумление. В руке у Виноградова блеснуло лезвие советского боевого ножа. Лейтенант сделал резкий выпад и полоснул ножом по горлу офицера. Эсэсовец выпучил глаза, схватился за перерезанное горло и начал медленно оседать на пол.

— Рома, сейф, ищи сейф! — Виноградов на бегу указал на дверь. — Сюда!

— Понял! — Васильев выстрелил в замок и вбежал внутрь кабинета.

Тем временем Соколов, меняя позицию после каждого выстрела, уничтожил уже с десяток эсэсовцев и курсантов. Немцы никак не могли засечь снайпера и поливали из пулеметов всю кромку леса. Агафонов, также постоянно перемещаясь, стрелял из «МР-40» в сторону КПП, отвлекая на себя внимание и создавая видимость, что из леса ведут огонь несколько человек. Виноградов влетел в кабинет и увидел двух офицеров; один из них, пожилой человек лет 60-ти с погонями штурмбанфюрера, сразу выхватил пистолет и нацелился в лейтенанта.

— Господин штурмбанфюрер, на школу совершенно нападение, неизвестное количество вооруженных людей ведет обстрел КПП с западной стороны, ваш водитель уже здесь! Мы готовы вас проводить! — отчеканил Николай.

— Проклятье, партизаны уже и сюда добрались! — выругался Вебер. — Мы выходим, самолет ждать не будет!

Тем временем Васильев, перевернув весь кабинет, нашел нужный ему сейф и вскрыл его. В увесистом ящике оказались нужные ему личные дела агентов, заброшенных в советский тыл, и тех, кто только готовился это сделать. Значит, задание было почти выполнено. Оставалось самое сложное — унести ноги живыми. Сложив папки обратно в ящик, Роман захлопнул его, взвалил на плечи и выбежал прочь.

На улице творилась полнейшая неразбериха: немецкие крики, русский мат и беспорядочная стрельба. Офицеры, надрывая глотки, приказывали солдатам и курсантам прекратить стрельбу, огонь по школе из леса уже затих. Юра, открыв двери автомобиля и укрывшись за ними, редко постреливал куда-то над головами немцев, ведя себя заодно с заведенной массой. Виноградов бегом вывел Вебера, делая вид, что прикрывает его своим телом. Все случилось настолько стремительно, что штурмбанфюрер не успел заметить подмену водителя. Лейтенант быстро впихнул его на заднее сиденье и сел рядом с ним. Следом из здания выбежал Васильев с большим стальным ящиком и завалился на переднее пассажирское сиденье.

— Что?! Кто вы?! — наконец дошло до офицера. — Где мой водитель?!

Виноградов ткнул дуло «ТТ» в бок Вебера.

— Сейчас мы поедem. На подходе к воротам вы выглядите в окно и на ходу прикажете открыть их. Если вздумаете подать сигнал своим, я вас застрелю, уяснили?

Лейтенант злобно уставился на штурмбанфюрера.

— Диверсанты!

Вебер задергался и попытался выбраться из машины, но Виноградов больно ударил его локтем в ребро.

— В следующий раз будет пуля, — лейтенант надавил дулом пистолета в бок офицеру, — повторяю, вы уяснили?

Вебер тяжело задышал и злобно смерил Николая изучающим взглядом. Деваться начальнику школы уже было некуда.

— Уяснил, — кивнул офицер.

Машина сорвалась с места и помчалась к воротам; стрельба стихла, и немцы готовились отправиться прочесывать лес. Сокол и Агафонов уже скрылись и направлялись к месту встречи. Автомобиль подъехал к воротам. Вебер высунулся в окно на ходу и коротко крикнул: «Открыть!». Солдаты подчинились, и машина помчалась прочь от школы по лесной дороге.

— Господин штурмбанфюрер, сообщаю, что вы захвачены советской диверсионной группой. У нас приказ вывезти вас живым, но если вы доставите нам хлопоты по дороге, то мы вполне можем обойтись и одной картотекой. Подумайте над моими словами, стоит ли оно того.

Виноградов снял фуражку и протер взмокший от волнения лоб. Вебер, ничего не ответив, покосился на лейтенанта и уставился в окно.

— Должен признать, вы сработали неплохо, — после долгого молчания признался эсэсовец, — моим курсантам есть чему у вас поучиться, но я вам все равно ничего не скажу.

— У вас будет время обдумать это, господин Вебер, — ответил Виноградов, — вы ведь умный человек. Взгляните сами, до чего ваш фюрер довел Германию и весь мир. Столько смертей и горя ради безумных идей одного маньяка. Стоит ли умирать за него?

Глава 7. «Любой ценой».

«16-го числа текущего месяца с территории «Waffenschule» был похищен штурмбанфюрер Хайнц Вебер. Предположительно Вебер был захвачен диверсионной группой противника, проникшей на территорию объекта под видом бежавших из партизанского плена солдат 442-го пехотного полка особого назначения. На служебном автомобиле, во время обстрела центрального КПП, Вебер был вывезен с территории школы и убит в неизвестном направлении.

В связи с этим приказываю:

- 1) командирам соединений СС, вермахта и охранных войск в данном районе предпринять самые решительные действия для обнаружения и ликвидации диверсионной группы противника;
- 2) по возможности освободить Хайнца Вебера, при неимении такой возможности — любой ценой ликвидировать...»

Диверсанты пробирались через заболоченный лес. Впереди, протаптывая дорогу, шел Васильев, за ним, ступая след в след, шли Виноградов, который нес архив, и Соколов. Следом, ведя связанного Вебера и периодически подгоняя его пинками, шел Луговой. Замыкал колонну Петр Агафонов.

Шли предельно аккуратно, стараясь не привлечь к себе лишнего внимания с обеих сторон. То тут, то там в лесу была слышна канонада, редкая стрельба и долгая перестрелка; где-то совсем вдали слышались немецкие крики и русская ругань. Немцы развернули карательную операцию против партизанских бригад в лесах. У группы Виноградова была очень большая вероятность нарваться на немецкие войска или партизанскую засаду, а там — поди и докажи, что не верблюд: в такой-то форме, как увидят немецкие шлемы поверх кустов, сразу саданут очередь из «Дегтярева».

По пятам за группой шла погоня. Немцы очухались не сразу, только когда нашли трупы охранников, а потом и начальника караула. Тогда сразу все стало понятно: кем же были эти пришельцы из леса. Собрав значительные силы, немцы бросились на перехват. О том, что в районе действует диверсионная группа русских, было доложено по всем близлежащим населенным пунктам и постам охраны. Немецкие войска в районе находились в состоянии повышенной готовности, а по следу диверсантов уже шла погоня. До места эвакуации было еще далеко: группе предстояло преодолеть большой заболоченный участок лесистой местности, обойти железнодорожную станцию и выйти к резервному партизанскому аэродрому, где группу должен был ждать самолет.

— Пошевеливайся! — подгонял пленника Юра, пробираясь по илистому дну.

Сапоги беспощадно утопали в иле, мешая бойцам двигаться максимально быстро. Где-то еще далеко позади были слышны крики немцев и лай собак, которые взяли след разведчиков у брошенной машины Вебера. Единственный шанс оторваться от преследования и скрыться глубоко в лесу — как можно скорее уйти в болота, где собаки потеряют след.

— Командир, они догоняют! — доложил замыкающий Васильев.

— Слышу, а ну ускорились!

Виноградов обернулся и прибавил шаг. Группа спешила настолько, насколько ей позволяло болото; лай собак становился все ближе и отчетливей.

— Не успеем, командир, — беспокоился Луговой.

— Успеем, осталось немного, мы почти добрались!

— Их нужно задержать, командир, позволь мне, — обратился снайпер, — у меня есть для них сюрприз.

— Не разрешаю, Сокол, — Виноградов переложил тяжелый ящик на другое плечо и ускорил темп, — мы почти на месте!

«Schnell! Wir haben sie fast eingeholt!» — крики были слышны уже совсем близко.

— Пошел, пошел! — крикнул Юра, подгоняя пленника.

Вебер уже выбился из сил и постоянно озирался назад в надежде на скорое спасение. Ему было неудобно бежать с завязанными за спиной руками и кляпом во рту, но Луговой не позволял ему сбавить темп.

— Есть, мы на месте, — раздался впереди голос Романа, — командир, сюда!

Пробравшись через камыш, разведчики увидели впереди огромное болото. Вокруг стоял мерзкий, неприятный запах болотной жижи и газа. Теперь диверсантам предстояло скрыться от преследования; Виноградов надеялся, что немцы не сунутся за ними так далеко в болото.

— Рома, пробивай дорогу, ребята, идем за ним след в след!

Роман, сорвав длинную палку, аккуратно двинулся вперед, прощупывая ею дорогу. Остальные аккуратно последовали за ним. Юра никогда раньше не бывал на болоте, особенно не видел такого большого, как это; ему было страшно идти по нему. С каждым шагом его дыхание замирало, когда под его сапогом начинало проваливаться дно.

— Аккуратнее, аккуратнее, — приговаривал Николай.

Погоня приближалась. Лай немецких овчарок был слышен уже совсем рядом; враги остановились перед стеной камышей, сквозь которую прошли разведчики, и стояли прямым у кромки болота.

— Всем стоять, не двигайтесь! — скомандовал Виноградов, и группа остановилась.

Над болотом повисла тишина. Перестали слышаться всплески вонючей болотной жижи. Диверсанты замерли в ожидании. Немцы находились совсем рядом с группой, лишь плотная стена камыша скрывала бойцов от глаз эсэсовцев. Им не удалось уйти далеко; если немцы решатся войти в болото, шансов вырваться живыми у бойцов Виноградова не будет.

— Feuer! - Раздался за камышами приказ немецкого офицера.

Над болотом разразился грохот автоматных очередей. Автоматчики поливали огнем все видимое пространство за стеной камыша, но войти в болото так и не решились.

— Нырай!

Юрий окунул Вебера и опустился под воду следом за ним, подняв над водой свой автомат. Остальные последовали его примеру и нырнули в мутную жижу следом за Юрой. Как только автоматчики израсходовали по одному магазину, в ход пошли ручные гранаты. Взрывы сотрясли водную гладь, вода волнами начала расходиться в стороны. Диверсантов оглушило. Вебер от испуга попытался вырваться из рук Юры и всплыл на поверхность, но сержант, на секунду показавшись из воды, схватил его и затащил обратно. Через пару минут все стихло, группа аккуратно высунулась на поверхность и прислушалась.

Hunde haben am Ufer den Überblick verloren! Sie gingen einfach in die Sümpfe. Wir brauchen Mörser, wir werden sie aus der Luft zerstören!

— Твою мать, — воскликнул Васильев, — лейтенант, они хотят накрыть нас ударом с воздуха, минометы вызывают! — Я слышу, — ответил командир, — они понимают, что Вебер может погибнуть вместе с нами, но все равно хотят нас разбомбить. Значит, они не собираются отпускать его живым и будут стрелять во все, что шевелится. Группа, быстро сматываемся отсюда! — И первый двинулся вперед, забрав у Васильева шест и передав ему архив.

Тем временем эсэсовцы запросили по радиации два взвода минометчиков, а диверсионная группа уже спешила покинуть опасный район. Когда минометные расчеты прибыли к болоту и дали первые залпы, бойцы уже выбирались из болота на его противоположном берегу. Усталость навалилась на Юру, ноги отказывались слушаться его и беспощадно подкосились. Измотанные ночным переходом по болотам разведчики рухнули на землю и растянулись под пушистой ивой.

— Я уже думал, что хана нам, ребятки! – воскликнул снайпер, стягивая с себя сапоги и выливая из них воду.

— Ненавижу болото, – пробурчал Васильев, проверяя свой автомат.

Виноградов поднялся и направился к Веберу, который лежал на животе и тяжело дышал, его глаза испуганно озирались по сторонам. Николай присел рядом с ним и вынул изо рта кляп.

— А ваши друзья, оказывается, не очень любят вас, штурмбанфюрер, – обратился по-немецки лейтенант, – даже минометы вызвали, чтобы не дать вам уйти.

— Я бы сделал то же самое! – зло ответил эсэсовец.

— Теперь вы можете не надеяться на спасение, они убьют вас вместе с нами, если у них получится нас догнать.

Штурмбанфюрер ничего не ответил, он уже понял, что командование приказало ликвидировать его вместе с русскими. Сам Хайнц поступил бы именно так.

— Перестаньте упираться, и мы сумеем доставить вас до фронта живым.— Как бы ты поступил на моем месте?

Вебер уставился в глаза лейтенанту. Виноградов оглянулся на мутную болотную жижу, сплюнул себе под ноги и вытер взмокший лоб.

— Я бы утонул в болоте, – ответил Николай и засунул кляп обратно, – группа, выходим!

Он поставил пленника на ноги и подтолкнул вперед.

Лес и болото остались далеко позади. Впереди раскинулось широкое поле, а сразу за ним стояли две небольшие деревни и железнодорожная станция, по которой то и дело проходили немецкие эшелоны. Немцы сосредотачивали в районе все больше войск для борьбы с партизанами, почти каждый день на станцию прибывали свежие силы противника.

Разведчики пробирались вдоль высокой дамбы, насыпанной для того, чтобы в случае пожара в лесу огонь не перекинулся на станцию. Луговой даже не знал, где было опаснее — там, в болоте, или тут, на станции, полной немцев. Пробравшись к концу насыпи, группа залегла, Юра вытащил кляп изо рта Вебера и дал ему воды. Пленник очень устал от такого перехода и жадно опустошал флягу разведчика.

— Хватит хлестать! – Сержант забрал флягу, протер горлышко и сделал один глоток. – Я тебя в кусты потом не поведу, будешь в штаны ссать.

— Вам не уйти, – прохрипел Вебер, – вы ведь понимаете это, весь район уже оцеплен войсками...

— Да не переживай ты так за нас, фриц, – Луговой закрутил крышку на фляге и вернул кляп на место, – нам не впервой.

Пока группа остановилась на привал, Виноградов и Соколов поднялись на вершину насыпи и осматривали окрестности. Впереди, в бинокль, лейтенант видел, как к станции подходит очередной состав; немного правее, за зданием станции, стояли около трех десятков грузовиков и бронетранспортеров. Немцы собрали значительные силы для ликвидации партизанских бригад, лесным бойцам придется очень туго. Чтобы пробраться незамеченными, диверсантам придется ждать ночи, чтобы обойти опасный участок, пришлось бы сделать огромный крюк и потерять на это целый день, но лишнего дня у Николая не было. Виноградов спустился с насыпи и обратился к разведчикам.

— Днем тут делать нечего. Ждем ночи, потом двигаем дальше, а пока отдыхаем, – распорядился командир.

— Наконец-то! – Васильев снял с головы шлем и блаженно лег на прохладную землю.

— Петя, ты рацию проверял? – спросил лейтенант.

— Еще нет, – покачал головой Агафонов, – просушить бы сначала, а там посмотрим.

— Займись этим, нужно сообщить, что задание выполнено, мы идем домой.

Виноградов взял бинокль и полез обратно наверх, где остался снайпер, а радист принялся распаковывать из прорезиненного рюкзака радиостанцию. День прошел спокойно, бойцы

наблюдали за постоянным передвижением немецких составов, перевозивших солдат. Луговой при виде каждого нового прибывающего паровоза постоянно сокрушался, что неплохо было бы пустить его под откос.

Уже начинало смеркаться, и бойцы готовились продолжить свой путь, как вдруг Соколов заметил на станции что-то странное. На платформе, где целый день толпились солдаты, вдруг появилась толпа гражданских; судя по всему, это были жители двух близлежащих деревень. Немцы согнали много народу, там были старики, женщины и дети. Солдаты подгоняли их криками и гнали на платформу.

— Товарищ лейтенант, – позвал снайпер, – смотрите, там что-то происходит!

— Что такое? – Виноградов недавно задремал, сказала усталость и напряжение последних дней.

— Посмотрите сами, – Сокол указал на платформу.

Лейтенант забрался на насыпь и уставился в бинокль туда, куда указал снайпер.

— Что они делают? – спросил Александр.

— Не знаю, – ответил Виноградов, – может, на какие-то работы людей нагнали?

— На станции? – К разведчикам забрался Луговой. – Чего там, Сокол?

— Да вроде местных немцы нагнали.

Снайпер завертел прицелом, оглядывая станцию со всех сторон.

— На кой черт? – спросил Юрий.

— Поди и у них спроси, – буркнул друг и снова уставился в прицел.

Вдруг со стороны станции послышались крики, затем прозвучали пистолетные выстрелы. Кто-то прыгнул с платформы и побежал через железнодорожные пути прямо к насыпи, на которой притаились разведчики.

— Смотри, лейтенант, кто-то побежал! — Луговой указал рукой в сторону бегущего человека.

— Вижу, это девушка, — ответил Виноградов, не отрываясь от бинокля. — Преследуют... Кабан ее задери, она бежит в нашу сторону!

— Командир, ей нужно помочь! — забеспокоился Соколов.

— Отставить!

— Командир...

— Отставить, Соколов! — повысил голос Виноградов. — Ты нас обнаружишь!

Со стороны станции послышались выстрелы. Немцы всполошились и пытались подстрелить сбежавшую девушку, четверо солдат бросились за ней в погоню.

— Лейтенант, так нельзя, ее же убьют! — в спор вмешался Юрий.

— Старший сержант Луговой, сержант Соколов, вы слышали мой приказ?! — закричал Николай. — Я сказал отставить! Если нас обнаружат, мы уже не сможем оторваться от них!

— А как же люди?! — возмутился снайпер. — Мы вот так просто бросим их?! — Мы ничем не можем помочь им, — стоял на своем командир, — немцев слишком много!

— А когда это нас останавливало? — спросил Луговой и вызывающе взглянул на Виноградова.

Командир высунулся и посмотрел в бинокль на беглянку, которая спешила добежать под прикрытие насыпи, за которой укрылась разведгруппа. Она бежала зигзагами, мешая немцам прицелиться в нее, все их пули пролетали мимо, еще немного — и она приведет немцев прямо к диверсантам. Виноградов, оценив обстановку, понял, что группа будет обнаружена в любом случае: даже если оставит девушку в опасности и попытается скрыться, немцы все равно заметят убегающих от насыпи незнакомцев.

— Васильев, Агафонов, — командир принял решение, — хватайте нашего дорогого попутчика, вскрывайте ящик и все документы складывайте в мешок. Уносите ноги в семна-

дцатый квадрат и ждите нас в условленном месте. Петро, связывайся с Давыдовым и запрашивай встречу. Мы немного пошумим и отвлечем их от вас.

— Есть! — кивнул Агафонов.

Роман подхватил пленника и погнал его вперед, следом двинулся Петр.

— Юра, приготовься.

Виноградов снял со спины автомат, передернул затвор и кивнул снайперу:

— Сокол, работай.— Есть.

Александр взглянул в прицел, поймал в сетку тело одного из нацистов и приготовился открыть огонь. Прозвучал выстрел, снайпер передернул затвор, гильза, лязгнув, покатила вниз с песчаной насыпи. Пуля вонзилась в левый глаз врага, немец, дернувшись, завалился на спину. Второй, увидев, что случилось с его товарищем, на секунду замешкался и остановился. Александр воспользовался этой секундой, и солдата постигла та же участь: пуля вошла в лоб эсэсовца, оставив в каске аккуратное круглое отверстие.

Девушка была так напугана, что даже не поняла, что сейчас произошло; она уже добежала до дамбы и стала карабкаться наверх. Соколов и Виноградов держали под прицелом станцию, а Юра поспешил помочь беглянке, но та, увидев человека в немецкой форме, который протягивает ей руку, испугалась еще сильнее и шарахнулась прочь от Лугового.

— Стой, дура!

Сержант бросился следом.

— Мамочки, — взвизгнула она, — не трогай меня, сволочь! — Да какая я тебе сволочь?!

Боец догнал девушку и повалил на землю:

— Мы свои, слышишь, свои, советские!

— Слезь с меня, пусти сейчас же, — беглянка начала вырываться и колотить Юру кулаками, — отпусти меня, я не пойду туда!

— Мы разведчики, малахольная! — сержант схватил ее за руки и прижал к земле.

Девушка перестала сопротивляться и недоверчиво уставилась на диверсанта.

— Разведчики? — Она недоверчиво покосилась на Юру.

— Фронтная разведка, — ответил сержант, ослабив хватку, и улыбнулся.

— Чья разведка?! — не отойдя от шока, переспросила она.

— Новозеландская! — огрызнулся Луговой и одним рывком поставил ее на ноги.

С насыпи снова раздался выстрел Соколова, а следом — три длинные очереди автомата Виноградова.

— Луговой, твою мать, давай сюда, хватит девку мять! — выругался лейтенант.

Юра обернулся к командиру и махнул девушке в сторону леса:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.